

Читатель вправе узнать подробности ночи любви. А ведь у нас кино еще только-только началось. Никакие кинороманы, даже самые бездарные, не поддаются скучным погрешностям статистики. У нас, с оператором и режиссером, не какое-нибудь вранье! А свобода в распоряжении материалами жизни наших персонажей.

В том числе и материалами собственных жизней. Во времени и в пространстве.

Только второго июля 1977 года через очищенный ото льда — не зэками, а уже солдатами железнодорожных войск — тоннель пройдет первый поезд.

Так что же?! Прикажете ждать тридцать лет?! Мы сейчас находимся в сорок шестом.

На импровизированном перроне, сколоченном из неотесанных, но вкусно пахнущих деревом досок, стоит празднично одетая, большевистская, по грубому выражению Сталина, сволочь. В плащах-регланах, в полувоенных кителях и в фуражках с малиновыми и синими околышами. Есть высокие и строгие люди в гимнастерках и кожаных плащах. Руководители стройки. Их жены одеты в бархатные и крепдешиновые платья, многие в туфлях на каблуке. меховые горжетки брошены на плечи, особо важные дамы с лисами-чернобурками на плечах.

У некоторых женщин на лице искусственные мушки. Кокетливые шляпки, вуалы на лицах. Бамлаговская номенклатура.

Яркая помада на губах, контрастирующие с окружающими скалами и тайгой наряды как бы призваны сказать зрителю: «Да! Мы в тысячах километров от Москвы. Далековато от музеев, театров и концертных залов. От кафе, ресторанов и танцплощадок. Мы в эковской глухомани. Но мы остаемся людьми. В смысле музыки и шляпок. И мы будем сейчас тоже праздновать!»

Мы, конечно, наблюдаем не тот изысканный, ставший историческим бал, который когда-то устраивал в Москве начальник иностранного отдела НКВД Слуцкий. Главный разведчик республики.

Мужчины на том знаменитом празднике были в белых кителях с золотым шитьем, при кортиках, брюки нежно-голубого цвета. Новую форму высших офицеров для НКВД ввел Ягода. Хозяин любил все царское, а Ягода хотел угодить Сталину. Дипломаты в смокингах, дамы в длинных вечерних платьях. А над ними висит

* Главы из романа.

** Продолжение. Начало в № 4 за 2019 год.

зеркальный шар. Он подвешен к потолку и вращается, разбрасывая блики света и создавая иллюзию падающего снега. На многих участниках бала НКВД маски и маскарадные костюмы.

Карнавал счастья!

Он оказался сатанинским. Хотя ни Воланд, ни Сталин на балу не присутствовали. Начальника внешней разведки Слуцкого отравят ядом.

Почти все участники знаменитого вечера будут расстреляны.

Золотые кортики, погоны-эполеты...

Эх-эх!

А на Дуссе-Алиньском перевале сейчас пошел настоящий, а не искусственный снег. Так здесь бывает в мае. Неожиданно налетает холодный ветер. И заряд белой крупы, той, что лежит на уступах портала, больно сечет лица.

На пахнущей свежим деревом, опилками и стружкой сцене стоит хор мужчин и женщин. Солистки в опрятных синих платьях — под горлышко, с белыми воротничками и в белых носочках, выглядывающих из милых бареток на невысоком каблуке. Стиль ностальжи. Мужчины в голубых блузах, крахмальная грудь сорочек, галстуки-бабочки.

Слева и справа от жерла тоннеля возведены подмости-антресоли. На них выступают солдаты конвойных войск и ээки. На антресолях слева вохряки, выстроившись цепью — руки за спиной, бьют чечетку! Ох, и ловко же у них получается! Ирландские степисты и даже испанцы со своим знаменитым танцем фламенко отдыхают...

Звучит музыка — «Марш энкаведов». В реальной жизни такого марша не было. Значит, композитору фильма предстоит его написать. Не претендуя на талант музыкального критика, подскажем ход.

Может быть, в будущем марше должна прозвучать тема, обозначенная Ваннесой Мэй в арии Марио Каварадосси — третий акт «Тоски», оперы Джакомо Пуччини. Всемирно известная скрипачка Ваннеса Мэй вторую часть арии Каварадосси оранжировала, украсив современным ритмом. Получилось замечательно! Точно ложится под чечетку.

Ведь вообще-то ария начинается мрачной мелодией, исполняемой на кларнете. Индиит мелодии (начальная фраза) слышен на заднем плане ранее в акте, когда озаряется небо и тюремщик готовится к казни... Ария, написанная в тональности си минор, является одной из самых известных оперных партий. Нам кажется, что Сталину и гостям из Москвы такой музыкальный ход понравится.

Не одну же «Москву майскую» слушать. Или «Сиреневый туман».

Впрочем, только подсказка — ничего больше. Композитору виднее. Может, ему покажется, что всем известный напев братвы «Эх, яблочко, куды ты котишься?! В Губчека попадешь — не воротишься!» здесь ляжет органичнее и точнее. Танцуют-то не балеруны какие-нибудь в обтянутых трико телесного цвета, похожие на *пидоров*. Как их до сих пор называют в России. А простая вохра. Увлеченная искусством ритмики.

Не перевелись таланты в народе!

Подмости устроены высоко. Вровень с тоннелем. Широкими ступеньками они спускаются к основной сцене. Солдаты-охранники молодецки и синхронно наступают на зрителей под «Марш энкаведов». Стук их каблуков напоминает автоматные очереди. Любому хочется удариться в пляс.

И кажется, что обязательно получится!

Ой ли?

А ээки — они на подмостках справа, все, как на подбор мускулистые, в синих сатиновых трусах и в белых майках, строят живые физкультурные картины. Когда-

то их называли пирамидами. Есть и несколько девушек. Грудастые и улыбчивые, с короткими стрижками. Про таких говорят — жопастьенькие.

По взмаху флажка в руках у старшего физкультурника ээки тоже показывают класс. Их мастерство не уступает вохряковской удали. Делай раз! — атлеты горизонтально вспрыгивают на плечи впереди стоящих. Сзади их поддерживают за ноги. Делай два! — на спины горизонтальных физкультурников ловко, в два приема, взбираются парни полегче. Делай три! — стоящие в пирамиде соединяют руки. Центральная фигура — рослая девушка с копной пшеничных волос взметнула красный флаг. Публика встретила ее аплодисментами. Сталин поприветствовал девушку.

И она ему улыбнулась в ответ.

Вышел Дирижер — офицер в гимнастерке, начищенных сапогах на высоком каблуке и с усами щеточкой. Это Нафталий Аронович Френкель, генерал, командир всего Бамлага. Он взялся дирижировать хором, потому что...

Ну, вы понимаете.

Потому что приехал Сам.

Френкелю нельзя ударить лицом в грязь. Даже в мелочах. Он машет не дирижерской палочкой, а тростью, с которой обычно ходит. Не только по московским площадям и хабаровским бульварам. Но и по таежным просекам, по отсыпанной трассе и по котлованам строящихся заводов.

Солист (тот самый ээк с набриолиненными волосами) начинает щемяще:

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля!
Просыпается с рассветом
Вся советская страна!

Или — земля? Тут подзабылось маленько.

Для рифмы, конечно, правильнее земля. А идеологически — страна. Потому что Страна Советов шире понятия «русская земля»! Гораздо шире...

А ээк продолжает. Он воодушевлен:

Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!

Хор подхватывает:

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая!..

Всех охватывает восторг. Никем непобедимая!

Пирамида физкультурников на антресолях синхронно рассыпается, девушка с флагом выбегает на авансцену, солдаты-охранники обступают ее в победной четке. Перрон и трибуны взрываются аплодисментами. Слышны здравицы: «Да здравствует великий Сталин, вдохновитель и организатор всех побед!» Френкеля от волнения и полноты чувств шатает. Не удержавшись, он тоже начинает бить четку.

Костя Ярков, случайно попавший на перрон, чувствует себя частью праздника. Песня «Москва майская» на стихи Лебедева-Кумача здесь, в таежной глухомани, звучит особенно волнующе.

Костя с аккордеоном в руках, соскакивает с подножки медленно идущего поезда. И начинает подыгрывать хору. На трибуне все сразу обращают на него внимание. Как-то ловко у молодого офицера, орденоносца, получается! Хору аккомпанирует тот самый оркестр, который мы уже видели на утреннем разводе: три трубы, барабан и литавры. Правда, сейчас музыканты выглядят получше. Они при галстуках, в неуклюжих костюмах, пиджаки — с ватными плечами. И литавры уже не дребезжат по-стариковски, а гремят жизнеутверждающе. С арки ворот лагерного пункта убрали лозунг «Кто не был — тот будет, кто был — не забудет!»

А распятого ээка-беглеца сняли еще по весне. Воляло уж очень.

Совершенно неуместны на празднике такие подробности из жизни лишенных свободы. Л/С.

Вождь не должен их знать. Он их и не знает. Наверное.

Музыканты расступаются, как бы принимая Костю в свои ряды. Костя мощно, аккордами, вступает в мелодию оркестра.

Но мы тут, честно говоря, опять чувствуем некоторую фальшивинку.

Хотя петуха вроде бы на этот раз никто не подпустил. Летеха стоит где-то в стороне от хора. Прутиком постукивает себя по голенищу блестящего сапога.

Вот у нас в России всегда так — не без *говнеца*.

Точно Иосиф Виссарионович подметил. Самое прекрасное дело будет обязательно подпорчено некрасивыми подробностями.

Ведь с легендарной песней Лебедева-Кумача что получилось?! В 1959 году стихи кто-то переписал. Самого Василия Ивановича Лебедева, с приставкой-псевдонимом Кумач, сына сапожника и прачки, уже не было в живых. Да и Сталина тоже. Из варианта песни 1937 года выбросили строчки «Чтобы ярче заблестали наши лозунги побед, чтобы поднял руку Сталин, посылая нам привет!» Иосифу, конечно, неприятно было бы узнать такое. Да, опять же, и не нужно ему знать. Как и про полуразложившийся труп замерзшего в тайге ээка в полосатой телогрейке.

Между тем на Дуссе-Алиньском митинге начинаются праздничные речи. Первое слово предоставляют Сталину. Новая буря поднимается в тайге. От волны людской радости трепещет, кажется, нежная листва на осинках и березках.

Иосифу не дают говорить. Несмолкаемые аплодисменты эхом отдаются в тоннеле, многократно усиливаются. Кажется, что рукоплещет вся страна. Известна реакция советских людей на выступления вождя.

Корней Чуковский в своем дневнике описывал, как они с Борисом Пастернаком, окрыленные, сидели на съезде комсомола двадцать второго апреля 1936 года и слушали Сталина: *«Я оглянулся — у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные лица... Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак все время шептал мне восторженные слова. Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью»*.

Корней Иванович Чуковский был сыном простой крестьянки Екатерины Корнейчуковой и Эммануила Соломоновича Левенсона, потомственного почетного гражданина Одессы. Мать работала у Левенсонов прислугой. Как тогда говорили — сына нагуляла. Сын получился неплохим. По состоянию, например, на 2015 год, Чуковский являлся самым издаваемым детским писателем в России. Два с половиной миллиона тиража за год, сто тридцать две книги.

Борис Леонидович Пастернак, нобелевский лауреат, родом из творческой семьи. Отец — художник и академик Леонид Осипович Пастернак, мать — пианистка Розалия Исидоровна, урожденная Кауфман. Между прочим, Пастернак в поэме «Высокая болезнь» написал, намекая на Ленина и Сталина: «Из ряда многих поколений выходит кто-нибудь вперед. Предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход».

Провидец!

Так вот, двое русских интеллигентов, Боря и Чука, гиганты культуры и мысли, умнейшие люди своего времени, «оба упивались радостью» от встречи с вождем. У них были «нежные, одухотворенные» лица.

Да разве только у них?!

Имеем ли мы право хоть в чем-то их упрекнуть?!

Они стали частью времени. Сталин лично запретил своим опричникам брать Пастернака. Он его считал юродивым.

«Не трогайте этого блаженного!» — якобы сказал Сталин. Любовь юродивых к царям безгранична. Что уж говорить о эках, бойцах и офицерах Бамлага.

Сталину не дали говорить. Он только весело махнул рукой и произнес одну фразу: «Мы уверенно смотрим в будущее, товарищи!»

Предоставили слово Гостю из Будущего. Что было совершенно логично и вытекало из предыдущего выступления оратора. Товарища Сталина.

Володя говорит напористо и ясно.

Не мюнхенская, конечно, речь.

Но тоже трогает:

— Мы шлем вам привет из Будущего! Мы наследники ваших великих дел! Мы поем ваши песни и мчимся по вашим дорогам. Жертвенность народа оплачена могуществом страны. Вы все будете реабилитированы. Ваши имена золотом выбьют на мраморе... В честь вас мы воздвигнем стену и поставим камень на Лубянской площади!

Неожиданно, вслед за речью Гостя из Будущего, начинает играть духовой оркестр и петь хор. Какой-то сбой в сценарии. Совершенно не по команде.

Аметистовых ягод услышал я звон...

Френкель машет тростью и гневно топорщит свои, как у фюрера, усики. Вы там, епта, чего? Совсем очумели? Какой еще облетевший садик и какие облака? Куда они проплывают? Кому там сегодня грустно?!

Хор сбивается и смолкает.

Чтобы как-то загладить неловкость, Френкель выбегает на трибуну сам. Красуется и, по памяти, щедро сыплет цифрами: столько-то мостов и переходов, километров стальных рельс, депо и станций построено... Кубометров леса повалено, бетона, скальных пород отгружено. Все помнит! Недаром его называют бухгалтером дьявола.

Следом на трибуну вызывают Рацбаума, главного тоннельщика и маркшейдера Дуссе-Алиня. Максимилиан — яркий инженер, талантище и организатор. Но не привык выступать с трибуны, да еще перед такими гостями. Перед самим товарищем Сталиным! Бубнит Максимилианушка по бумажке: *«Производство работ по проходке тоннеля велось бельгийским двухитольным способом. 1043 погонных метра. Остальные 756 погонных метров пройдены методом подводного разрыва и германским способом. На буровзрывные работы израсходовано около 200 тонн взрывчатки. Для вентиляции применены установки «Сирокко № 6» и «Женест Гершер». Энергетическое хозяйство имело четыре импортные дизельные электростанции...»*

Сталин насупился, повел бровью.

Обязательно, что ли, говорить о каких-то гершерах, сирокко и о германском способе подводного разрыва?

Вождь недовольно спрашивает Френкеля:

— Он у тебя кто?

Френкель заученно, как на уроке, отвечает:

— Родился в Андижане, в семье железнодорожника. Закончил железнодорожную гимназию и Московский институт путей сообщения в 1933 году. Участвовал в строительстве Московского метрополитена, был награжден медалью и орденом «Знак Почета». В 1936 году арестован и осужден на десять лет. В 1937 освобожден и направлен в должности старшего инженера-тоннельщика достраивать Сучанский тоннель. С марта 1941 года — начальник строительства Дуссе-Алинского тоннеля. Максимилиан Александрович зарекомендовал себя...

— Хватит! — перебивает Сталин и с прищуром смотрит на Френкеля. Неужели правду говорят, что Нафталий помнит в лицо всех своих эзков и знает биографии половины из них?

Колоссальный умище! Вот ведь евреи... Эх, жида-жидочки!

— Проверенный, значит, товарищ?

— Проверенный, товарищ Сталин!

— Тебе молодых надо брать, фронтовиков. Таких, как вон тот!

Сталин показывает в толпе аплодирующих на Костю Яркова. Костя стоит в первых рядах, под два метра ростом, на груди сияют гвардейский значок и орден. Аккордеон Костя уже снял с плеч.

— Будет сделано, товарищ Сталин!

Цепким взглядом Нафталий выхватывает из толпы лейтенанта, подзывает к себе помощника и что-то коротко ему говорит, показывая на фронтовика. Костя, конечно, не видит, что Сталин показывает на него. Он во все глаза смотрит на трибуну.

Выступает начальница передового лагерного пункта Западного портала Дуссе-Алинского тоннеля, старший лейтенант Сталина Говердовская.

Ах, какая женщина!

Берет сняла. Наверное, от волнения. Пшеничные волосы водопадом хлынули на плечи. Гимнастерка, кажется, сейчас лопнет на груди — богато и упруго под гимнастеркой. Голубые глаза, слегка обветренные губы, рассказывает звонко. Оказывается, она у себя в лагпункте, вместе с администрацией лагеря, построила пекарню и баню, столовую и магазин. Разбила огород на южном склоне, выращивают телят и свиней, а еще есть цветники и клумбы, оштукатуренные дома с крашеными полами, работают плотина и три фонтана, которые подпитываются samotочной водой. Вырабатывают свое электричество.

Сталин снова наклоняется к Френкелю:

— Что она им там санаторий устроила? Врагам народа... Фонтаны, цветники! Сочи! Зачем?

— Замечание понял, товарищ Сталин. Учтем. Разрешите добавить информации?

— Добавляй!

— На проходке тоннеля выработка женского лагпункта в полтора раза выше мужского!

— Что у них там — скалы мягче?

— Никак нет, товарищ Сталин! Они же идут навстречу друг другу... Женщины мужиков хотят сильнее! Мы пообещали.

Сталин ухмыляется в усы. Ох, и хитер этот проходимец Френкель! Он и так величину пайки на Баме поставил в прямую зависимость от выработки за день. Сделал норму — пятьсот граммов хлеба, перевыполнил — килограмм! А тут такой стимул придумал! Естественная мотивация.

Сталин иронично роняет:

— Бабы!

Вождь во все времена именно так и относился к женщинам. На Кавказе это естественное отношение мужчины к женщине. Он и любимую свою Наденьку Аллилуеву простой бабой считал. Кидал в нее хлебными катышками и обращался за

столом при всех: «Эй, ты! Чего не пьешь?» А она ему ответила: «Я тебе не эй!» И чтобы доказать, что не «эй», пошла учиться в Промышленную академию. В Пром-академии враги Иосифа и партии свили себе гнездышко. Пришлось разворошить.

Правда, Наденька застрелилась. Из женского браунинга. Предала Иосифа. Его все предают.

Эх, эх!

Митинг закончился, начались танцы. Оркестр заиграл:

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит прощальная звезда...
Кондуктор не спешит. Кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда!

Между прочим, Сталина Говердовская с трибуны тоже заметила молодого и красивого лейтенанта. По виду ровесника. Вернувшегося, кажется, в родные края. Вздрогнула и обрадовалась, только виду не подала, когда он вырос перед ней:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите представиться — лейтенант Ярков Константин! Смерш. Прибыл на родину после службы в Прибалтике. Разрешите пригласить вас на танго!

Кто только ни пытался закадрить Говердовскую. И начальник соседнего, мужского, лагпункта, женатик, между прочим, подкатывался, мол, давайте, Сталина Георгиевна, дружить домами! Все-таки мы с вами два серьезных командира... Знаем мы эту дружбу. И Савенков, из управления, какие-то дорогие отрезки на платья шлет. А куда Сталина пойдет в крепдешиновом платье? На лесоповал? Или в шестой барак бетонщиков, в местный театр? Там по вечерам Писатель травит, в лицах, историю про Гамлета и Офелию. А Летеха Василий — так тот каждый день старается промелькнуть перед ней в обновке. То кубанку каракулеву отберет у эзков, то френчик почти заграничный справит.

Пока Сталина Говердовская раздумывает, соглашаться ли так, с лету, на танец, положить ли, легко и небрежно, свою ладонь на плечо Кости Яркова, приведем доказательства необычной информации о положении женского лагерного пункта на Западном портале тоннеля.

Дело в том, что большинство читателей, конечно, привыкло к описаниям тяжелых условий жизни эзков вообще, и Бамлага в частности. Колочая проволока, промерзшие бараки, овчарки, жидкая баланда... Так оно и было на самом деле. А тут Говердовская с высокой трибуны доложила: оштукатуренные дома, столовая, клумбы с цветами, овощи и молоко, магазин и телята.

Опять разыгралась свобода автора в обращении с материалом? Ничего подобного. Женский лагпункт западного портала Дуссе-Алинского тоннеля был редким исключением на фоне страшной жизни эзков.

Будем верны исторической правде.

В мае 1941 года, то есть за пять лет до описываемых нами событий, Дуссе-Алинский тоннель посетила комиссия ГУЛЖДС — Главного управления лагерей железнодорожного строительства. Тогда стройка перешла в их ведение. Комиссию возглавлял Главный инженер Управления А. К. Бакин. Комиссия дала высокую оценку организации жизни в женском поселке лагпункта, его благоустройства, питания эзков — вернее эчек, их жилищно-бытовых и санитарных условий. Тротуары были проложены в непролазной Дуссе-Алинской мари, клумбы цвели; на огороде, в трех километрах от Западного портала, росли овощи, капуста и картошка. В женском лагпункте были построены коровник, свиноферма и птицеферма. А еще имелись гаражи автобазы, механическая мастерская, бетонозавод и

больничный городок. Все запротоколировано и отражено в документах, дошедших до наших дней.

Френкель лукавил перед Сталиным, когда брал на заметку его замечания. Как никто, Френкель понимал: людей нужно не только загонять рабским трудом и нечеловеческими условиями жизни, но и грамотно управлять сложным механизмом лагерей.

Он и сам бывал в Дуссе-Алиньском лагерном пункте, которым командовала тогда, в начале сороковых, Мария Ивановна Гладышевская, старший лейтенант НКВД. Она была выпускницей Ленинградского горного института.

Мария Ивановна и ее администрация сделали поселок тоннельщиков почти образцовым на всей стройке 500. Гладышевская, при ликвидации аварии в тоннеле, в декабре сорок первого года погибла. Вместе со своими проходчицами.

На отдельных участках женщины сталкивались с тяжелыми породами. Дневная проходка составляла иногда всего десять сантиметров. Приток воды на Западном портале достигал пятисот литров в секунду, а на Восточном случалась тройная перекачка. Вода заливала штольни под крышу. Работу приходилось останавливать. Рацбаум, начальник тоннельщиков, подробно и горько вспоминал об этом. В одной из таких аварий и погибла Мария Ивановна Гладышевская. Зэки обратились с просьбой в правительство — ближайший к Дуссе-Алиню населенный пункт переименовать в станцию Гладышевскую.

Да кто же и когда прислушивался к энкам! Хотя на картах того времени изыскатели уже подписали кружочек разъезда — станция Гладышевская.

И в досье киноромана есть копии таких карт.

Что же касается песни «Сиреневый туман», которую сейчас играет оркестр на импровизированной танцплощадке, под трибуной, то еще Лев Ошанин, поэт, вспоминая друга — тоже поэта — Матусовского, писал: *«Помню, как еще в Литинституте в 1936–1937 годах он (Матусовский) напевал: «Прощайся с девушкой, уходит поезд. Прощайся с девушкой, второй звонок...»*

Есть и другая версия.

Песню написал Юрий Липатов в 1946 году.

Называлась она «Дорожное танго. Посвящается Ниночке Глуховой».

Текст выглядел так:

Ты смотришь на меня и руку пожимаешь,
Когда увижу вновь? Быть может, через год...
А может быть, навек меня ты покидаешь...
Еще один звонок, и поезд отойдет.

В начале 2000-х годов Ниночку Глухову найдут в Липецкой области. Сын композитора Юрия Липатова Михаил предъявит доказательства авторства своего отца. Но это случится гораздо позже.

А сейчас у нас, на перроне, по-прежнему 1946 год. Как раз тот год, когда, по одной из версий, было написано танго «Сиреневый туман».

Сталина Говердовская неожиданно говорит Яркову. Она — смелая и решительная:

— Пошли на сцену! Захвати аккордеон.

Костя удивлен. Но покорно идет вслед за старшим лейтенантом, красавицей.

Сталина подходит к микрофону и взмахом руки останавливает оркестр:

— Сейчас я вам спою ту же песню. Но слова в ней будут другие. Товарищ лейтенант, подыграйте!

Говердовская объявляет:

— Экспресс времен!

Слова песни никому не знакомые.

Оказывается, есть и такой вариант.

На Дуссе-Алиньском перевале он звучит впервые.

Не знаю, как для вас, наших читателей и зрителей.

ЭКСПРЕСС ВРЕМЕН

песня

Экспресс времен пришел на первую платформу.

Я взял себе билет до станции «Забудь».

Чудесный мой состав бесплотен и бесформен,

Крушенью не бывать, спокоен долгий путь.

Напомнит стук колес все то, что ты сказала,

Что выцвела любовь, как ситцевый платок.

Что ты устала ждать под сводами вокзала,

Где каждый поцелуй — недопитый глоток.

Остались позади все встречи, расставанья,

Остались позади тюремные года.

Все скрылось, как во сне, в сиреновом тумане,

Лишь светит как маяк полярная звезда.

Сиреневый туман над нами проплывает.

Над тамбуром горит зеленая звезда.

Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,

Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Под бурные аплодисменты, конечно, не такие раскатистые, какими был награжден товарищ Сталин, но очень искренние, они сходят со сцены.

— Откуда ты знаешь эту песню? — удивленно спрашивает Костя.

— А мы уже на ты? — усмехается Сталина.

— Ты же первая меня так назвала, — Костя смело берет Говердовскую под руку. А она уже и не сопротивляется.

— Я не знаю, откуда они возникли в моей голове. Словно кто-то продиктовал.

Мы-то с вами знаем, кто продиктовал слова Сталине Говердовской. Автор, верный своему творческому методу.

А как было в жизни?! В 1951 году Михаил Ландман в соавторстве с Михаилом Ярмушем написали «Экспресс времен». Песня была опубликована в самиздатовском сборнике десять лет спустя. Сборник назывался «Пять девчат о любви поют». Его составила редактор и переводчица Шуламит Шалит.

А вот откуда в песне взялся четвертый куплет с тюремной горькой ноткой, мы не знаем до сих пор. Наверное, люди в тюрьме сочинили. Многие ведь считают, что слова у песни «Сиреневый туман» народные.

Читатель, конечно, может не поверить.

Особенно, подозреваю, смущают детали.

Ну, например, к какому микрофону в сорок шестом году, в тайге у тоннеля на БАМе, могла подойти начальник женского лагпункта Сталина Говердовская?!

Пожалуйста, Фома Неверующий! Это был микрофон Neil Sound Classic Pro — точная копия микрофона тридцатых годов RCA 74В. 50-18 kHz. Его, как и усилительную аппаратуру, привезли на праздник актеры Комсомольского-на-Амуре Драматического театра.

Осужденные артисты, которых расконвоировали и заставили играть для Бамлагоской номенклатуры Шекспира и Островского. Кстати. Актеры-трагики из Комсомольска, после танцев, начали свое сольное выступление. Мы к нему вскоре вернемся.

А пока мы видим, как к Сталине Говердовской и к Яркову Константину подходят два офицера.

Они знакомые Сталины:

— Сталина Георгиевна! Разрешите, мы на пару минут отвлечем вашего аккомпаниатора. С ним хотел бы поговорить генерал-лейтенант Френкель!

Говердовская делает под козырек. Хотя на голове у нее синий форменный берет для женщин — офицеров НКВД.

Нафталий Аронович сидит с соратниками в отдельном помещении, напоминающем ресторан. Ну, если и не ресторан, то хорошую столовую — точно. Португееу снял, воротник гимнастерки расстегнут. На столах выпивка и закуска. Теперь ведь можно расслабиться. Сталин и члены Политбюро отбыли на специально оборудованном поезде. Но праздник-то ведь продолжается! И они его заслужили.

Все энкавэдэшники — с красными петлицами на воротниках, ромбами и звездами на рукавах и в васильковых фуражках. Темно-синие *гали*. Совсем уже скоро НКВД заменят на МВД. Гимнастерки — на кителя.

Так что пока красуются.

— Хотите выпить, лейтенант? — предлагает Френкель. И пододвигает Косте почти полный стакан водки.

Ярков, несколько смущаясь, отказывается:

— Спасибо, товарищ генерал-лейтенант! У меня там девушка.

Он машет головой на дверь, ведущую на перрон.

— Говердовская, что ли? — проявляет осведомленность Френкель. — Приятная дама. Осторожнее, лейтенант, с приятными дамами. Во всех отношениях приятными.

Френкель помнит замечание Сталина. В то же время ему нравятся такие парни, как Костя. Сразу видно, что парень с характером.

Генерал предлагает ему, лейтенантишке, выпить, а он спокойно отказывается.

— Наверное, возвращаешься после службы? — Френкель легко переходит на ты.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант! Последний год находился в командировке, в Прибалтике. Моя военная специальность снайпер-диверсант.

— Смерш?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

Глаза Френкеля смеются:

— Не такточничай... У нас тут попроще. Хотя своих лесных братьев и у нас хватает. Чем собираешься заняться?

— Учиться пойду, товарищ генерал!

— На путейца? Правильно. Грамотные путеармейцы нам нужны. Очень нужны!

Костя отводит глаза в сторону:

— Нет, товарищ генерал-лейтенант. На географа хочу учиться. Или на историка.

— На историка? — удивляется Френкель. — Мы тут сами историю пишем, каждый день! Я правильно говорю, товарищи?

Он обращается к сидящим на банкете военным строителям.

Строители подтверждают. У Френкеля непререкаемый авторитет.

Френкель:

— Мы ее творим, Историю! Вместе с товарищем Сталиным!

Все вскакивают из-за стола. Вновь раздаются пафосные здравицы.

— Поднимаю свой бокал за товарища Сталина, вдохновителя и организатора всех наших побед! — почему-то фальцетом кричит Френкель.

Костя Ярков тянет руку к стакану. Граненые, как у скалы, стенки стакана. Здесь других нет. За Сталина нельзя не выпить.

Такое просто невозможно себе представить. А уж тем более позволить.

Краем глаза Костя замечает, что сам Нафталий Аронович выпил очень мало.

Что-то плескалось на доньшке.

Белой накрахмаленной салфеткой Френкель вытирает щеточку усов:

— У меня такое предложение, товарищ лейтенант! Поработаешь пару-тройку лет у нас, а потом мы тебе дадим направление в институт. В Комсомольске-на-Амуре скоро откроется педагогический.

Он окидывает взглядом присутствующих.

Кто-то одобрительно выкрикивает:

— Соглашайся, лейтенант! У нас тут свои университеты! И даже профессора есть. Правда, троцкисты! А бань и цветочков вообще навалом.

Все хохочут. Костя сразу вспоминает выступление на митинге Говердовской. Он хочет возразить, но голос Френкеля строжеет.

Он наклоняется к Яркову и говорит ему шепотом:

— Отказаться нельзя. От такого предложения не отказываются. Иосиф Виссарионович разглядел тебя в толпе и приказал мне: «Возьми этого парня, фронтовика, к себе на работу!» Понял? Что мне доложить Сталину? Что ты, в ответ на его предложение, пошел учиться на географа?

Действительно, как такое доложить вождю?

Костя открывает дверь на перрон и тут же попадает в другое пространство.

Театральный прием.

Да ведь вся наша жизнь — сплошной спектакль и карнавал!

На площадке он сейчас и творится. Настоящий карнавал.

Артисты драмтеатра — все в длинных серых хитонах и в белых колпаках, многие на ходулях — приглашают публику в круг. Они изображают шутов и скоморохов. Образуется цепочка приплясывающих на ходу людей. Возглавляет шествие клоун с белым лицом и нарисованными грустными глазами. Пьеро из детской сказки про деревянного мальчишку Буратино.

Детской ли?! Мальвина — Говердовская. Клоун сразу выделил ее из толпы — светлые волосы распущены по плечи. И потянул в круг. А Сталина не сопротивлялась. Костя и здесь не оплошал.

В цепочке он третий. Ладонь у Сталины горячая, трепетные пальцы.

Словно электрический ток пробежал между ними.

Дамочки в вуалях и соболях, лейтенанты в хромовых сапогах и синих брюках-галифе, гражданские инженеры в шляпах и двубортных — тяжелых, с ватными плечами — костюмах, приехавшие на праздник из тайги эвенки-оленеводы в торбазах и меховых куртках — то ли парках, то ли анораках. Обслуживающий персонал, рабочие в солдатских поношенных телогрейках, тетки-поварихи в белых передниках. Все, охваченные праздником и музыкой, выдвигают ногами кренделя и колени. И, наконец, устремляются друг за другом. Цепочку ведет Пьеро. Костя оглядывается. Он удивлен! К танцующим, а теперь бегущим мелкими шажками людям, присоединился сам Френкель и его соратники, люди в кожаных плащах.

Бегут, как миленькие, на полусогнутых.

Жили у бабуся курицы и гуси...

Что же получается? Зэки со своими охранниками?

Если не сказать точнее — жертвы с палачами.

И знакомая мелодия звучит с экрана.

Она и бравурная, и трагическая одновременно.

Это импровизация на тему музыки знаменитого композитора Нино Рота из бессмертного фильма Федерико Феллини «Восемь с половиной». В котором реальность смешивается с сюрреалистическими видениями.

Что такое восемь с половиной? Все гадают до сих пор!

Да ничего особенного! Восемь фильмов и малометражку (она и есть половина), снял к тому времени мастер.

Разумеется, вы сразу подумаете, что сцена танцующей цепочки людей, впере­мешку с клоунами и актерами, заимствована из Феллини.

Здесь зритель как бы находит преемственность киноприемов.

Только одно замечание. Которое слегка если и не объясняет заимствование, то оправдывает появление хора. Свой фильм Федерико снял в 1963 году. А у нас на календаре еще только май сорок шестого.

Во все времена люди вставали в круг и танцевали цепью. Охотники каменного века окружали костер, вздымали над головами дубины, напевно и громко грозили мамонту.

Гладиаторы Рима, перед, может, последним своим боем, обнимали за плечи друг друга и клялись быть верными судьбе и схватке.

Греческий танец сиртаки, болгарский хоро... Вообще, танец-хоровод есть почти у всех народов мира. У русских, молдаван, румын, турок, грузин и армян, македонцев и сербов. Опять же у евреев — хора агадати.

А ирландцы, цепью бьющие чечетку? А солдаты-вохряки на празднике первого поезда, удивившие самого Сталина топотушками в начищенных до блеска сапогах?

Только американцы почему-то никогда не становятся в хоровод.

Теоретически кто такие американцы? Евреи, поляки, русские, англичане, итальянцы... И даже чукча или нивх, получивший паспорт Соединенных Штатов Америки, автоматически становится американцем. Чукчи, кстати говоря, тоже очень любят танцевать в кругом. И якуты. Но в Америке они уже почему-то не танцуют. Американцы навсегда останутся теми, кем родила их мать. Луи Армстронг ведь просто негр, а не придуманный толерантностью афроамериканец. Фицджеральд — ирландец...

Да и Хэмингуэй — какой он американец?

Скорее, он гражданин мира.

То ли с острова Куба, то ли из Парижа.

Светят мощные прожектора.

Цепочка танцующих бежит в тоннель, опоясывает склон и возвращается на перрон. А там уже идет театральное представление. На сцене сидит Мастер, папа Карло. Он рубанком выстругивает бревнышко. В руках Карло появляется кукла с длинным деревянным носом. Вечный искатель золотого ключика... Бесплатного счастья хочется всем. Во все времена. И чтобы никто не ушел обиженным. Буратино! Деревяшка трансформируется в актера, исполняющего роль Буратино. Золотым ключиком он открывает железную дверь в стене, напоминающую вход в карцер.

Ключик просто обернут золотистой фольгой от шоколадки. Лязгает замок, дверь противно скрипит и открывается. Один за другим выскакивают на сцену люди-куклы. Пьеро уже с автоматом в руках. Автомат — искусно сделанный му-

ляж. Страшный Карабас-Барабас, с плетью, загоняет в клетку двух полосатиков. По сценарию, видимо, тигров. Опять же — женщина-змея обвивает обруч, жонглер ловит булаву, и, пританцовывая, выходит фокусник-факир во фраке и цилиндре.

Он прекрасен! Люди пропадают под его черно-звездным плащом.

Френкель, сам еще тот фокусник, залиvisto хохочет.

Представление удалось!

Жаль, что Иосиф Виссарионович рано отбыл.

Остался бы доволен.

Нафталий Аронович вдруг настораживается... Так и знал! И здесь русские не обошлись без своего обычного, на этот раз эзковского, *говнеца*. На сцене появляются два артиста в форме конвойных войск. В поводу у одного из них овчарка в наморднике. Совсем непохожая на пуделя Артемона. Наверное, по замыслу постановщика спектакля, пудель мутировал и превратился в овчарку. Охранники выстраивают актеров парами.

Руки за спиной. И загоняют их обратно в открытую дверцу. Френкель уже готов крикнуть: «Прекратить пародию!» Но публика, довольная, хохочет и аплодирует.

Очень похоже!

Френкель успокаивается. Но пальчиком грозит начальнику культурно-воспитательной части лагпункта: «Гляди у меня! Доэкспериментируешься, пидор!» Два клоуна на двухколесных велосипедах — первое огромное, второе маленькое — быстро объезжают публику. В берестяные короба, закрепленные у клоунов за спиной, зрители бросают дань. Не только деньги. Вот кто-то положил буханку черного хлеба, пачку папирос «Беломорканал» — эски зовут их Белый Мор или БМК, теплые носки, четвертинку водки.

Клоуны берут все. Ничем не брезгают. Конечно, питание артистов драмтеатра не сравнить с эзковской пайкой. Но все равно ведь голодно.

Люди на зоне всегда думают о тепле и о хлебе.

О зрелищах думают Френкель и его соратники.

Костя Ярков и Сталина Говердовская идут по таежной тропинке вдоль зоны. Там, в поселке тоннельщиков, у Сталины, как у начальницы лагерного пункта, есть половинка дома. Во второй половине живет начальник охраны тоннеля со своей семьей. Костя несет аккордеон в футляре, Сталина — Костин вещевого мешок с несколькими пожитками солдата. Они поднимаются на широкий склон сопки. Огромное поле с выкорчеванными деревьями, поросшее кустами багульника. Кое-где остались пни.

Багульник цветет. Все тот же запах, дурманящий, окутал Дуссе-Алиньский перевал.

Уже вечерет.

Поле со всех сторон огорожено колючей проволокой. По периметру стоят солдаты-охранники с овчарками. Автоматы на груди. Недалеко высятся какие-то строения и бараки. Это мехмастерские, пилорама, продуктовые склады, бетонный завод и больничный городок.

Тропинка бежит рядом с колючей проволокой.

С одной и с другой стороны поля, прямо напротив друг друга, толпа эзков и эчек. Они не участвовали в празднике первого поезда. Но они имеют к нему самое прямое отношение.

Лица эзков напряжены. Все они одеты в лагерные робы. Некоторые женщины с накрашенными губами и в цветных косынках.

Костя растерян. После такого красочного праздника, встречи с товарищем Сталиным и волнующей музыки. После замечательной песни в исполнении Ста-

лины Говердовской... Вдруг услышать хриплый лай овчарок, мат конвойных и сдавленное дыхание сотен людей...

Слышны крики женщин:

— Эй, ты! Светленький! Да не ты, а тот, что стоит рядом! Ага, ты! Тебя как зовут?

— Меня? Меня зовут Толя! А тебя как?

— Меня зовут Полина. Работала агрономом в Переяславке. А ты по какой сидишь?

— По пятьдесят восьмой... По какой еще? Я из Николаевска-на-Амуре, работал сварщиком на судостроительной верфи.

— Шпион японский!

— Нет, германский!

Оба смеются. Возбужденно и нервно.

— Поля! А у тебя какие глаза?

— Голубые!

Кричит охранник:

— Прекратить, бля, разговорчики! Голубоглазые. Еще успеете наговориться. Ночь впереди.

Автор обещал, что даже самые разнузданные его героини-урки не будут материться. И пока свое обещание сдержал. Только товарищ Френкель, начальник Бамлага, бесконтрольно крикнул производное словечко *епта*, которое, кроме удивления, уже ничего не обозначает. Так ведь и Френкель давно уже не урка. Да и *бля* разве это серьезный матерок? Живой полип, бородавка на языке вертухая.

Он просто здесь необходим, как спусковой крючок автомата.

Костя удивлен и встревожен. Спрашивает у Сталины:

— Это... Это что такое?

Сталина горько усмехается. Уголками губ.

— Это ночь любви, товарищ Ярков. За досрочную проходку тоннеля им обещана ночь любви. Сегодня она состоится. По сигналу ракеты откроют ворота. И зэки бросятся друг на друга. А сейчас присматриваются.

Костя обескуражен, удивленно качает головой:

— Как-то неправильно... Не по-человечески.

— А бабам рубить скалу — по-человечески? Ты что-нибудь знаешь, Костя, про женские лагеря?

Про женские лагеря на стройке 500 Костя еще ничего не знает. Всех заключенных он считает врагами народа, бандитами, ворами и бандеровцами. А зэчек — воровками и предательницами Родины, завербованными иностранными агентами. Проститутками считает их Костя Ярков. В контрразведке Смерш другому пониманию научиться было трудно.

В скором времени ему предстоит окунуться в новую жизнь. С прожекторами на зоне, утренней переключкой у страшных ворот и с мерным скрипом колес зэковских тачек, везущих скальную породу. Он дал согласие Френкелю на работу в управлении Амурлага. К тому же, Нафталий Аронович сразу пообещал очередное звание — старшего лейтенанта НКВД. А учеба... Мечту о географии Костя не бросил. Он ее отложил на некоторое время. Не все еще пойманы лесные братья, не все враги народа обнаружены и арестованы.

Сталина рассказывает Косте:

— В моем лагунке много женщин-инженеров, учительниц, библиотекарей, медсестер, агрономш и простых чертежниц. Как они могли подрывать могущество страны?! Если бы не они, мы не построили бы тоннель. А им в награду ночь любви. Людей хотят оскотинить. Они и так уже наполовину не люди.

— Ты считаешь, что зэчки получили свои *срока* незаслуженно?

Сталина останавливается и смотрит в глаза Кости:

— По большей части — да. Я не просто так считаю. Я знаю. Потому что у меня есть их личные дела. Под пытками их заставляли подписывать ложные показания. На отцов и мужей, на друзей и детей. И на самих себя.

— Кому это нужно?

— Френкелю и Сталину.

— Зачем?!

— Во-первых, дешевая рабочая сила. Чтобы строить мосты и тоннели, побеждать в войне. Во-вторых, идет борьба за власть. Сталин выкорчевывает своих врагов и тех, кто не одобряет его политики. В-третьих...

Костя закрывает ладонью ее губы.

— Товарищ старший лейтенант! Вы не боитесь говорить мне такое?

Сталина бросает вещмешок, Костя ставит аккордеон.

Сталина властно обнимает лейтенанта:

— Не боюсь! Потому что вижу — ты уже мой.

Костя валит Сталину на мягкий лапник кустов стланика. Расстегивает пуговицы на ее гимнастерке. Великолепные груди, освобожденные, сами ложатся в его ладони. Он жадно и нежно целует соски.

Гул толпы, оставшейся позади, на поле, нарастает.

Лают псы седой и палевой масти. Лают до рвоты.

Опять кричит Летеха. И опять звонко:

— Не напирать! Начнете сближение по сигналу ракеты! Даю очередь на предупреждение!

Раздается стукоток автоматной очереди.

Толпа охает и затихает. Нет уже никакой мочи ждать.

Два изможденных зэка спрятались в кустах. Онанисты.

Никак не могут дожидаться желанной картинки. По-лагерному — сеанса.

Их лица опрокидываются в болезненной истоме.

Один с облегчением говорит другому:

— Все... Кончил! Хиляем в барак.

— Да ты что, Пашка! Давай посмотрим. Сейчас такой кайф словим...

До ухода на фронт у Кости был только один опыт по женской части — мимолетный и скоротечный. Он называл его боевой контакт. Со старшей пионервожатой в школе, где работала мама, Глафира Ивановна. На столе, среди вымпелов, горнов и барабанов, с оглядкой на незапертые двери, куда в любую минуту могли ворваться пытливые не по годам пионеры.

Правда, на фронте у него еще с одной было. Белокурая и плохо говорящая по-русски. Она работала на ферме у латыша-кулака.

Сталина отбивается от Кости:

— Подожди! До дома остался километр... Пошли, Костя, пошли! Нужно успеть до темноты в поселок.

На краю поселка они видят гранитный памятник.

Костя читает имя, отчество, фамилию, выбитые на гладком камне: Георгий Михайлович Квадратов, Главный инженер Дуссе-Алинского тоннеля.

Вместо года рождения прочерк.

Есть точная дата смерти — февраль 1941 года.

— Я тогда еще здесь не работала. Но Георгия Михайловича знала — встречались по геологическим делам, — рассказывает Сталина, — сколько он сделал

для нашей стройки и для людей! Его похоронили как орденосца. Прилетал из Свободного на похороны генерал Петренко, начальник Амурского лагеря. Солдаты давали залп из автоматов... На штольнях в тот день поставили рекорд — пять метров прошли с обеих сторон.

— Почему он умер? — спрашивает Костя.

— Его убил начальник охраны тоннеля Кондауров, — как-то очень буднично сообщает Сталина. — Квадратов влюбился в его дочку Нину. Она работала в библиотеке. Кондауров прознал об их отношениях. Кто-то из шестерок донес. Он просто пристрелил главного инженера.

— А дочка?

— А дочка потом отравилась. Она похоронена здесь же. Лежит рядом с ним.

Костя хочет спросить: а почему нет ее имени на обелиске? Но не спрашивает. Значит, так надо. Почему-то так надо.

Неясная тревога, поселившаяся в его сердце на Дуссе-Алиньском перроне, возвращается.

В аккуратный домик, ладно оштукатуренный, с крепким крыльцом, они постарались пробраться незаметно, по одному. Так решила Сталина:

— Сосед у меня, Петрович, начальник охраны тоннеля. Такой зоркий. Спасу нет. Ну, тот самый — Кондауров...

Костя потрясен.

— Его что — не арестовали?!

— А прямых доказательств и свидетелей не было. Весь лагерь знал, что Кондауров застрелил Квадратова, а давать показания боялись.

Костя вдруг понял: что-то большое и страшное надвигается на него.

На его жизнь и на его судьбу.

Как просто все было на войне. Передний край. Полуразрушенное здание, в комнатах которого затаились фашисты. Нужно часами смотреть в оптический прицел, выслеживая фуражку офицера с высокой тульей.

Вот она мелькнула. Задержи дыхание и плавно нажми на курок.

Еще одна зарубка на прикладе снайперской винтовки СВТ-40.

— Тебе надо с дороги помыться. Как войдешь в сенцы, справа на стене выключатель. Не удивляйся! У нас есть свое электричество. Фонтаны успел заметить?! Вода из горного ручья разгоняет турбину. У меня, знаешь, какие инженерши работают?! Кулибины! Да тазиком там не греми, он висит на стенке. Баню тебе топить не буду. Санька-сан приготовит нам баню по-японски.

— Кто будет таков? Санька-сан.

— Сейчас увидишь. Японский военнопленный. Они работают у нас на стройке. Вообще-то он Саньяма-сан, но мы уж так привыкли — Санька да Санька. Истопник, помогает мне по хозяйству. А вообще он самурай.

Ничего себе! Костя удивлен. Какие-то самураи на Дуссе-Алиньском перевале?!

Предчувствуя вопрос, Сталина поясняет:

— В прошлом году, сразу после победы над Японией, понагнали военнопленных. Этап шел за этапом. Слышала в управлении, что всего к нам на стройку 500 направили пятьдесят тысяч японцев. И пятьдесят на западный участок.

В дом скользнули друг за другом. Уже совсем смеркалось. Костя пробрался тихо. Не грохотнул алюминиевым тазиком на входе. Таежник, он привык свои шаги скрадывать. Да и на задания ходил, в диверсионных группах. Сталина уже стояла в комнате, распоясав гимнастерку и распустив волосы. Костя, не раздумывая, бросился опять целовать ее. Она отстранилась, показав в угол. В углу стоял маленький человечек, японец, в белой нательной рубашке и в таких же штанах. Метр с кепкой. В половину Костиного роста.

Прижал ладони к груди, послушно, как болванчик, кланялся.

Костя засмеялся и тоже поклонился. Передразнил японца.

Сталина представила:

— Константин Ярков, советский офицер. Возвращается с фронта. Саньяма-сан, японский офицер. Самурай. Временно в плену.

Санька по-русски говорил смешно:

— Оттин-на рад. Проходите, пазарста. Сейчас будем зрать римонник.

Сталина перевела:

— Он предлагает попить чаю с лимонником.

Косте японец не понравился. Ведет себя тут как хозяин.

Костя нахмурился и со значением посмотрел на Сталину. Сталина улыбнулась.

Вот уже и приревновал. И восстановила статус-кво:

— Я попрошу вас, Саньяма-сан, приготовьте бочку Константину. Он — с дороги.

Санька снова поклонился и начал быстро действовать. Разжег печь, поставил на плиту два бака с водой, из коридора прикатил деревянную бочку, сделанную из клепок какого-то коричнево-рыжего дерева.

— Это не ёрка, — словоохотливо пояснил Косте японец, — кедр. По-японски сэйе-суги... Римонник зрать будете? Без риса!

Сталина поправила:

— Саньяма-сан, сколько раз я вам говорила — не жрать лимонник, а пить чай с лимонником. «Без риса» — он добавляет всегда, если речь идет о еде. Риса им не хватает... — пояснила она Косте.

Японец ощерился в улыбке, обнажив крупные зубы:

— Васька-Ритёха мне говорит: «Санька, позри римонник! Отин-но всем муз-тина помогает!»

Довольный своей шуткой, Саньяма-сан глупо хихикнул. Сталина густо покраснела. Костя наконец-то понял. Допетрил. Проницательный японец уловил все с первого взгляда. Он готовил своей хозяйке и ее гостю тоже ночь любви. И заботился о мужской силе Яркова.

Пока закипала вода в баках, пока Сталина хлопотала на кухне, Костя достал из своего вещмешка янтарные бусы. Девушка на родине его не ждала. Ее просто не было. Матери и сестре он вез другие подарки. Отрезы на платья и пальто, платки, тонкие чулки и губную помаду. А янтарные бусы ему попались на рынке в районном городишке у моря. Он обменял их на банку тушенки и пару пачек махорки.

Не зная сам — для чего. Просто очень красивые бусы — золотистые.

А вот и пригодились.

В комнате, у печки, клубы пара. В кедровую бочку японец заливает горячую воду. Ловко и бесшумно сервирует стол. Заваривает свой любимый лимонник. *Ритёха говорит...*

Мы видим обстановку и убранство домика Сталины Говердовской. Фотографии в рамках на стене, ее вышивки — в основном морские сюжеты, парусники и корабли. На одной фотографии красивый офицер в форме капитана. Это отец Сталины Говердовской, Георгий Казимирович. Он, поляк и офицер, служил у русского царя на флоте. Рядом другая фотография. Георгий в обтрепанном сюртуке, в грубых сапогах, но под сюртуком белая сорочка.

Сталина тихо рассказывает Косте:

— Отец у меня был замечательный... Он поднял бунт на корабле. Его судили и отправили сначала в Иркутск. Там было много ссыльных поляков. Потом еще дальше, на Сахалинскую каторгу. Потом они сбежали с другом, тоже поляком, Збигневом. Отец как-то смог устроиться конторщиком на таможню и тихо жил в Благовещенске. Перед революцией перебрался в Белоруссию, поближе к Польше. Но так никогда и

не вернулся в свой Гданьск. Збигнев после Гражданской войны работал в Коминтерне. Звал к себе отца. Но папа не соглашался. Ссылался на болезни. В тридцать седьмом Збигнева арестовали. Отец вообще тогда затаился. Тихо умер перед самой войной, в сорок первом. Мама у меня простая и скромная. Но красивая. Вышивала гладью. И меня научила. Она вообще рукодельница. Работала на швейной фабрике.

Сталина улыбається своєму, чому-то очень далекому.

— Я выучилась в Минске на геолога. Работала здесь на Ургале, в тайге. Мы искали уголь... Ну, что еще? Фамилия моя Говердовска. Это потом мы стали Говердовскими. Зовут меня вообще-то не Сталина, а Силина — польское имя. Силина значит воинственная. В институте сразу приклеилось Сталина. Активная была. Комсомолка. Любила вождя. Вот и стали называть Сталинкой. Отец очень не хотел, чтобы я работала в органах. Тогда я еще ничего не понимала... В отделе кадров мне сказали: «Можешь считать, что тебе отдал приказ товарищ Сталин!» Я у них числилась как дочь политкаторжанина. Проверенная.

Она ерошит волосы на голове Кости. Костя снимает сапоги, разматывает портянки. Саньяма-сан куда-то тихо удалился. Спрятался, как мышка в норку. А может, Сталина отправила его в барак.

Сталина медленно расстегивает гимнастерку, стаскивает юбку и остается в белой рубахе.

— Хочу, чтобы ты знал: у меня был любимый человек... Он был старше меня на несколько лет. Работал начальником геологического отряда. Он погиб здесь, неподалеку. Провалился в линзу в вечной мерзлоте. Вытащили глыбу льда.

Костя убирает с лица Сталины волосы.

— Не надо, милая.

— Не подумай лишнего. У нас ничего не было. Хотели сыграть свадьбу. Не успели... Ты у меня будешь первым.

Костю обжигает. Он почему-то понимает, что сейчас ничего не надо.

Не надо задирать подол рубахи, валить Сталину на постель и мять ее податливое тело. Надо действовать как-то по-другому.

Но как — Костя пока не знает.

Сталина через голову снимает рубаху. Обнаженная, стоит перед Костей.

Костя достает золотистые бусы. Свет они не включают. Кажется, что ожерелье светится в темноте.

Костя надевает бусы на шею Сталины.

— У меня нет любимой девушки... Так, были две случайные встречи. Так что, если по-настоящему, то вы у меня тоже первая, товарищ старший лейтенант.

— Все так говорят. Две случайные встречи... Ты уже опытный!

— Да не дрожи ты так! Я сам чего-то боюсь.

Сталина обнимает его, прижимается всем телом.

Медленно сползает и становится перед ним на колени.

Затемнение.

Они лежат в постели рядом, укрытые одеялом под самый подбородок.

Сталина наклоняется над Костей:

— Ну вот скажи... Ну когда ты понял, что полюбил меня?!

— Ну когда... Я тебя заметил сразу! А потом ты берет сняла, и волосы рассыпались по плечам! Тогда, наверное...

— Это я специально для тебя головой трянула... Я же видела, что лейтенантик залетный прямо во все глаза смотрит! Я тебе понравилась? Ну вот скажи, что ты подумал про меня?

— Я подумал, что таких энкавэдэшек просто не бывает.

Сталина счастливо смеется.

— А потом, когда я взял тебя за руку в хороводе, словно ток электрический пробежал!

— Я тоже почувствовала. Но ты же не знал — умная я или... Какая?!

— А женщине умной быть обязательно?

— Видел на митинге теток в вуалях и с мушками на щеках?

— Я, когда тебя увидел, то на других уже не смотрел.

— Это жены местных командиров. У них главная в жизни задача — получить отрез ленд-лизовского драпа на пальто и проследить, чтобы муж не бегал в шестой барак, к шалашовкам.

— Трудно, наверно, здесь женщинам живется...

— Трудно тем, кто скалу долбит. А у командирш по две зэчки на подхвате. Одна полы моет и грязную посуду. Другая снег чистит и печку топит. Барыни... А еще гадают, когда я не выдержу и сдамся Ваське.

— Кто таков?

— Здешний начкар. Считается завидным женихом.

— Сдалась?

— Разве ты не понял?!

Костя крепко обнимает Сталину.

— А я тебе... Сразу понравился?

— Нет. Какой-то, показалось, самоуверенный.

Сталина треплет Костин чуб.

— А когда ты заиграл на аккордеоне, мне захотелось петь! И потом, подошел и пригласил на танец. Я не хотела идти... Ноги сами пошли!

— Самоуверенный же!

— Нет. Я уже знала, что пойду за тобой... Скажи, а ты детство помнишь?

— Мало... Помню себя хорошо только с класса седьмого. А детство...

— А я помню... Выхожу на улицу — дома и деревья в инее! На калитке иней, на лавочке... Когда иней, значит будет все хорошо и сказочно! И шапочка на мне смешная, с помпоном на макушке и длинными ушами. И жарко так в ней становится, что хочется тут же развязать!

— Слушай — точно! Сейчас вспомнил... Иней на деревьях! Хорошо и сказочно... И обязательно надо сосульку пососать!

— Ой, Костя! Мы совершенно забыли. У нас же вода горячая в бочку налита. Остынет! Хорошо, что ты про сосульку вспомнил!

Они забираются в кедровую бочку. Вот что такое японская баня! И начинают плескаться как дети. Места хватает — бочка просторная. Сталина мылит мочалку, трет Косте спину.

Инстинктивно прижимается.

Костя чувствует груди Сталины.

Вдруг какой-то огневой росчерк освещает комнату.

Они оглядываются на окно. В небе висит красная ракета.

Слышен яростный гул толпы и лай овчарок.

Вот она и началась.

Ночь любви.

Когда, казалось, уже не было никаких сил ждать, когда зэки вцеплялись в колючую проволоку так, что из порезанных пальцев сочилась кровь, когда зэчки стали тихо повизгивать от подступавшей страсти, когда закончился табак в кистях охранников, когда поп Климент, тот самый — в шапочке-скуфейке, поблаго-

даривший Летеху за доходягу-зэка, добытого на склоне трассы, закончил ладить из струганных жердей крест...

Вот тогда она и взлетела.

Красная ракета.

Многим показалось, что ракета зависла над склоном сопки.

Ворота открыли с двух сторон. Толпа хлынула. Некоторые лезли прямо по колючей проволоке. Задние напирали на передних. Люди топтали друг друга, пробиваясь к центру поляны. Они еще толком не знали, что они там будут делать. Обниматься и целоваться? Или хрюкать свиньями, рычать волками и реветь изюбрами? Пришел великий гон. Страсть совокупления победила человеческие чувства и стала главной.

В перекрестии лучей прожекторов возникла фигура Климента. Он держал в руках рукотворный крест. Налетевший ветер трепал его седые волосы. Шапочку-скуфейку священник скинул. Или потерял в толпе.

Климент грозно пел молитву.

Ему помогали два тщедушных зэка-доходяги, лагерные юродивые.

Климент хотел прочесть Молитву покаяния и прощения. Слова ее он помнил с детства, когда помогал своему отцу — настоятелю православного храма старой станицы Казакевичево.

Особенно хотелось донести до обезумевших людей вот что:

Ты же, о Премилосерде Боже... избави от всякаго зла, очисти многое множество беззаконий моих, подаждь исправление злomu и окаянному моему житию и от грядущих грехопадений лютых всегда восхищай мя, да ни в чем же когда прогневаю Твое Человеколюбие. Имже покрывай немощь мою от бесов, страстей и злых человеков...

Даруй ми кончину христианску, непостыдну, мирну...

Злых человеков и грехопадений.

Как даровать им кончину мирную и непостыдную?

Климент знал, что подогреть страстью люди не поймут его. Рукоположенный на пастырскую службу митрополитом Хабаровским и Приамурским Павлом, отец Климент знал цену человеческого греха.

Владыко Павел сгинул на Соловках. Туда отсылали священников, арестованных в стране первыми. Климент на стройке тоже прошел свой путь. От лесовальщика до тачковоза. Были и хлебные у него занятия. Хлебными считаются в лагере те должности, в которых ты приближен к еде. К примеру, каптерщик — распределитель продуктов. Лагпунктовское начальство охотно ставило бывших священников каптенармусами. Они ведали провиантом и ээковской одежкой. Попы на зоне не воровали.

Блюли себя.

И другим не давали красть.

Или вот еще — хлеборезчик... Попробуй не доложить в ээковскую пайку десять граммов хлеба! Опытный сиделец берет пайку в руки и по весу определяет, на сколько его обделил сегодня хлеборез. Климент исполнял все порученное в соответствии с саном.

А на зоне воруют скопом. От начальника лагерного пункта до последнего истопника. Хорошее сухое полено можно обменять на закрутку махорки. Отец Климент не крал. Церковный сан не позволял ему грешить. И других с позором разоблачал. Его быстро переводили на другой участок. Одно время работал на *вошкбойке* — дезинфицировал одежду ээков, усыпанную паразитами. Здесь-то что своруешь?! Пока голые зэки толпились в предбаннике, а их штаны и бушлаты висели в дезкамере в клубах горячего пара, охранники и кладовщики присматривали свитера и рубахи, годные для носки. Часто воровали не для себя, а чтобы *втюхать* тем же зэкам, у которых было на что меняться. Люди в лагерях вернулись

к первобытным отношениям. Известная формула «товар — деньги — товар» на стройке 500 не работала.

Товар — только на товар.

Вот какой была формула на зоне.

Как-то, на Известковой, Клименту удалось пристроиться в медпункт. Вроде санитаря. Он никого не лечил. Мазал зеленкой гнойники, перевязывал раны и ссадины. А серьезных больных — *тубиков, саморубов и мастырищиков (тех, что калечили сами себя)* отправляли сразу в лагерную больницу. Так бы и сидеть Клименту на тихой и теплой должности (в медпункте исправно топили) и мерить температуру экам единственным градусником.

Но, как на грех, у местного кума заболела любимая собачонка. Непонятной породы. Он принес ее Клименту. Собачонка чихала и кашляла, а потом, ночью, захрипела и померла. Кум сильно опечалился. Лагерная тройка добавила отцу Клименту пятерик, за вредительство. Да ведь сам он и признался в том, что давал собаке пенициллин. Думал, как лучше.

И отправили святого отца строить Дуссе-Алинский тоннель. Здесь он получил кличку Апостол и больше не испытывал судьбу.

То есть придуряться ему больше не пришлось.

Придурками на стройке 500, впрочем, как и в других лагерях, называли людей смежных, сопутствующих основному занятию — будь то лесоповал или отсыпка насыпи — профессий. Таких много. Повара, хлебобрезчики, каптерщики, заведующие складами, дезинфекторы, попросту говоря — вошкобои, истопники, нормировщики, нарядчики, швеи, портные, уборщики, кочегары и сапожники.

Климент стал тачковозом. Посылали и на проходку. На выстроенных вдоль стен трапах-стапелях они рубили, с помощью зубила и молотка, скалу. Никаких специальных инструментов вроде отбойного молотка у проходчиков не было. Непобедимый в духе, Климент умел успокаивать людей. И утешать их. Он вселял в них надежду.

К нему шли на исповедь зэки. В лагерях много людей, кто ищет утешения в вере. Исповедовал, конечно, тайком — по ночам.

То, что задумало лагерное начальство, или сам Френкель, Апостол называл не ночью любви, а дьявольской случкой.

Через все шмоны и облавы, через лагерь, пересылки и этапы отец Климент пронес маленькую книгу. Затрепанную уже, с выпавшими отдельными страницами. Книжица называлась «Молитвенный щит православного христианина». И была она выпущена в свет по благословию Его преосвященства Епископа Задонского Никона. Брат в вере, алтайский иеромонах Макарий, отдал Клименту книжицу в Хабаровской пересылке, на улице Серышева. «Тебе скорее и лучше пригодится!» — сказал отец Макарий.

Из окна их камеры был виден корпус штаба Дальневосточного военного округа. Стройный корпус из красного кирпича.

Макария отправляли этапом в порт Ванино. Значит, на Колыму. Двадцать пять лет получил отец Макарий. С конфискацией имущества и по нескольким пунктам пятьдесят восьмой. АСА, КРД и КРМ — антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность и контрреволюционное мышление. Так, языком аббревиатур, чтобы окончательно не запутаться в хитросплетениях пятьдесят восьмой статьи, зэки, вслед за следователями, стали коротко называть свои прегрешения перед государством.

У Макария главные обвинения — вредительство и подстрекательство к бунту. Ну, может, еще СВПЖ — связи, ведущие к подозрению в шпионаже. Не с теми людьми встречался Макарий, не те проповеди читал. Из имущества у него остался «Молитвенный щит». Конфисковать молитвенник не смогли. Одно плохо. Как ни убеждал его отец Климент, иеромонах Макарий обрубился в уныние.

Великий грех — отчаяние человека!

Макарий точно знал, что с Колымы он уже никогда не вернется.

Спрятавшись в затишке, за поленницей дров, Климент долго искал нужную молитву. Да темновато уже было. Пришлось спичками подсвечивать. Нашел. Молитва называлась: «Мученице Фомаиде Египетской».

Там вот что давным-давно вышло, в Египте.

Молодая женщина Фомаида приняла смерть, сохранив супружескую верность. В пятнадцать лет она вышла замуж за рыбакова. Жили хорошо, по-доброму. Муж рыбачил, Фомаида молилась. Дело происходило в Александрии — в четыреста двадцатом году. В семье мужа ее любили за кротость, доброту и целомудрие. Однажды муж ушел ночью на рыбную ловлю. Старик-свекор, ослепленный красотой Фомаиды, стал склонять ее к греху. Фомаида увещевала старика. Но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее распалялся свекор. Снял со стены меч и стал угрожать невестке. Тогда она сказала:

— Если ты даже рассечешь меня на части, то я все равно не соглашусь на грех. Сотвори крестное знамение и уйди. Твой замысел внушен тебе сатаной.

Старик убил Фомаиду. Разрубил ее тело надвое.

Преподобный старец Даниил-отшельник велел монахам ближайшего монастыря похоронить мученицу в монастырской усыпальнице. Монахи зароптали: «Как можно хоронить женщину вместе с отцами святого ордена?» Преподобный сказал им: «Эта отроковица — мне и вам мать. Она умерла за чистоту!»

Мощи святой Фомаиды были перенесены в Константинополь. Их видел русский паломник иеродиакон Зосима. Еще Фомаиду называли Александрийской.

Может, сказка из глубины веков.

Может, святая истина.

Климент в нее верил.

Климент молитву выучил.

Память сохранил отменную.

И сейчас он ее пел. Молитву мученице Фомаиде.

Потому что вокруг себя отец Климент только и видел, что одних мучеников.

Молитвы, Климент знал, читают. А поют псалмы. Хотя, между прочим, тот же святитель Феофан заметил про молитву: «Никогда спешно не читайте, а читайте будто нараспев... В древности все читаемые молитвы брались из псалмов... Но нигде не встречаю слова «читать», а везде «петь».

Климент научение Феофана запомнил.

И решил сегодня молитву спеть.

И он пел. Как будто стоял на клиросе.

О! Всехвальная мученице Фомаидо!

Услыши нас, молящихся тебе, и якоже древле боримии от плоти целительницу ты имеху, по дарованней тебе от Бога благодати, сице и ныне прибегающим ко предательству твоему подаждь отраду и освобождение от плотской брани, и целомудренное житие, и незазорное в супружестве и девстве пребывание твоими благоприятными молитвами всем исходатайствовати потщися, яко да телеса наши храм живущего в нас Святого Духа будут!

Подхватили своими тоненькими тенорками двое блаженных. Доходяги.

Они пробавлялись уже редкими подаениями. И траву ели.

Как только выучили и запомнили слова?!

Помози нам, да не погибнем со страстьми и похотьми нашими, но да управимся умом нашим во всяком благочестии и чистоте.

Толпа возбужденных эзков не слушала творящих молитву.

Крест выбили из рук Климента растоптали.

Осиновые жердочки только хрустнули!

Отец Климент раскинул в сторону длинные костлявые руки.

Так и пошел на толпу. Апостол.

Он сам стал Крестом. Такое случалось в церковной жизни. На Анзере — одном из Соловецких островов — береза выросла в форме креста.

На том самом месте, где расстреливали братию.

С ближайшей вышки раздался одинокий выстрел.

Раненый в плечо, священник упал.

Может, и знал, что придется принять муку.

Без жертвы нельзя остановить безумие.

Приподнявшись на руке, отец Климент возопил:

— Вы не звери... Вы — люди! Не рвите себя на части. Разговаривайте, беритесь за руки. Трогайте друг друга руками. Излечитесь от дьявольской скверны! Надобно ловить человек... Иначе уподобитесь скотам!

Отец Климент наставлял паству. Ишь, чего удумал, поп!

Когда это люди излечивались от касания друг друга руками?

Подскочили два охранника и за ноги уволокли Климента.

Кровавый след тянулся за проповедником.

В рапорте начальнику Дуссе-Алиньского лагпункта конвойный напишет: «Осужденный по 58-й статье УК священнослужитель Климент (Курганов) вел запрещенную религиозную пропаганду и мешал проведению мероприятия».

Явно писал под диктовку кума.

Вот они и сошлись в схватке один на один.

Отец Климент и вохряк. Сталинская власть и человеческий закон. Одни называют его нравственным запретом, религиозным табу. Другие — верой. Не имеет значения. Тут важно другое. Власти нужно всегда доказать, что она, даже самая циничная, от бога. И поэтому она выше морали. И ее *мероприятия* (допросы, пытки, самооговоры, доносы и расстрелы) не могут оспариваться и осуждаться какими-то попами. Да и вообще кем-то ни было! Апостол не покорился не администрации Дуссе-Алиньского лагеря. И даже не власти. Он не покорился самому Богу!

Потому и раздался выстрел с вышки.

Жизнь любого человека пятьдесят восьмая накрывала смертным саваном.

Лагерный *летила* Лазарь Ефимович Ревзин пулю из плеча Климента вынул. Первый ручеек медиков — фельдшерниц, медсестер, терапевтов и хирургов — к тому времени уже потек в Бамлаг. В сорок седьмом он превратится в полноводную реку. Лазарь сказал: «Заживет как на собаке!» Пуля брякнула в плошку. Лазарь знал, что говорил.

На пилораме под Селихино ему оторвало полноги. Пилорама первой марки «Коммунар» была старенькой уже. Без защитных хомутов и кожухов, с ржавыми, но остро заточенными, круглыми дисками-пилами. Лазарь хотел разжиться парой свежих досок, чтобы подновить свою комнату-норушку в медпункте. Вот он и явился, заранее договорившись с бригадиром пилорамщиков. Подслеповатый, в старорежимном пенсне, Лазарь поскользнулся на весеннем льду. Повело его как-то боком. Хорошо, что бригадир успел выхватить. Могло всего Лазаря исполосовать в кровавые лоскуты. Пилораму выключили. Бригадир, конечно, испугался. Теперь его будут судить за нарушение правил техники безопасности, и лагерная тройка накинет к сроку. Как избежать огласки и не выдать бригадира?!

Лазарь сам себе перетянул ногу под коленом и уркоганской финкой, прокаленной на костерке, обрезал лохмотья мышц, выковырял осколки костей и обработал рану.

Только потом потерял сознание.

Повалился боком на кучу свежих, желто-сливочных опилок.

После операции в Комсомольске его послали врачевать эзков на Дуссе-Алине. Аккуратный протез на культю Лазарю выстругали местные умельцы. Выстругали из сухой липы.

Липа самый подходящий материал для безногих.

Да что там Лазарь!

На зоне кладовщиком работал безногий бандеровец Мыкола, Николай Степанович Гринько. На всей трассе, от Совгавани до Ургала, не было лучше каптерщика! Свой накачанный торс он, как ловкая обезьяна, бросал по стенкам стеллажей на складах и по стоякам эзковских нар-вагонок. По полам барачных и по тротуарам зоны летал на подшипниковой каталке. Отталкивался ловкими чурбачками, обшитыми кожей-кирзой. Они были похожи на утюжки. Утюжком же мог въехать в зубы несговорчивому москалю. Большой авторитет имел на зоне Мыкола. Только проходчики ему не подчинялись. Держали шишку. Потому что работали неистово. «Двойную пайку отдай, начальник! Две нормы — как с куста...»

А сидел Мыкола все по той же пятьдесят восьмой.

Бандеровец он и в тайге бандеровец.

Сам себя подорвал на mine.

Поставил в сельсовете под крыльцом да и забыл. Присел перекурить.

Иногда они встречались: еврей Лазарь и хохол Мыкола. То по хозяйственным делам пересекались на центральной вещевке. То вместе ужинали в столовой для придурков. Вместо приветствия Мыкола произносил заветное: «Эх, жиды-жидочки!» Лазарь отвечал достойно. То есть интеллигентно, как и положено врачу-вредителю: «Ни зым, так надвкышу!» Имелся в виду анекдот про кучу яблок и природную жадность хохлов.

Потом они садились рядом. Лазарь отстегивал с культы протез. Помогал забраться на лавку Мыколе. Хотя тот и без посторонней помощи мог взобраться. На любое дерево в тайге он взлетал, как рысь.

Но таковы были правила игры, ими придуманной.

У Мыколы и Лазаря была какая-то своя, потаенная, гордость.

И ее нельзя было назвать ущербной гордостью инвалидов.

Хлебали чуть ли не из одной чашки.

Мыкола угощал Лазаря жареной, на сале, картошкой.

Нравоучительно приговаривал:

— Свинку жиды не кушают!

Лазарь отвечал:

— Только за ушами трещит. И пейсы развеваются!

Оба весело хохотали. Шутили так.

У каптерщика всегда были лучшие на зоне продукты.

Лучше даже, чем у начальника лагпункта.

Но, кажется, нам настала пора вернуться в ночь любви?

В какие сумраки тоннеля на краю света мы забрели, покинув на простыне цвета придорожной пыли (местная больничка других не имела) безутешного Апостола? Никакие лирические отступления не смогут вместить всех невероятных историй бытия эзков стройки 500.

Что там дальше-то, в объявленном администрацией Дуссе-Алиньских лагерных пунктов *мероприятии*, происходит?

То ли молитва Климента, то ли грозный вид его — живого креста, а скорее всего, выстрел с вышки, остановил безумие алчущей толпы.

Берите друг друга за руки.

Кто-то был уже знаком — перебросились словечком на этапе, сталкивались на складах, на бетонном заводе. Кто-то высмотрел понравившееся в толпе симпатичное лицо. Зэки и зэчки разбрелись парами.

Свального греха не случилось.

Что-то поняли люди. Не превратились в зверей.

Зажигали костерки на поляне. Кипятили чай, варили картошку. Многие потянулись к баракам и серым промзданиям, стоящим неподалеку на склоне сопки. Там легче было найти заветный уголок, спрятаться от людских глаз.

А кто-то прямо на нарах мастерил шалаш.

С трех сторон занавешивались простынками.

Не отсюда ли пошло *шалашовка*?

Начальник Дуссе-Алинского тоннельного отделения Амурского лагеря М. А. Рацбаум свидетельствует: *«Мы прошли более 1800 метров и сбойку тоннеля дали на 2 месяца раньше срока, назначенного народным комиссаром. Три дня и три ночи оба лагерных пункта отдыхали.*

Три ночи женщины спали с мужчинами».

Много чего там было. Много всякого.

Первая серия нашего киноповествования близится к концу.

Между тем еще нужно вернуться в домик на окраине лагерного поселка, где проводят свою первую ночь главные герои романа.

Костя Ярков и Сталина Говердовская.

Да, вот еще о чем не забыть бы!

Японские люди на строительстве БАМа. Самураи.

Первый лагерь пленных солдат Квантунской армии был открыт в Тайшете. Сорок пять тысяч военнопленных — официальные данные. Тридцать тысяч заключенных лагеря № 1 и двадцать тысяч заключенных лагеря № 2 работали на сооружении рельсовой дороги Комсомольск — Советская Гавань.

Выходила своя газета на японском языке, «Нихон симбун». Тираж сто пятьдесят тысяч экземпляров. Нехитрый подсчет даст нужный результат. Около ста тысяч японцев на БАМе. А тогда лишних пятьдесят тысяч тиража японской газеты для кого?

Для эвенгов, якутов и эвенков, так похожих внешне на японцев и кочующих по тайге с оленями? Однако.

Пусть историки проверяют точность цифр.

Некоторые вообще сомневаются, что японские военнопленные участвовали в строительстве БАМа. Автор в начале девяностых годов прошлого века по журналистским делам оказался в Чегдомыне, шахтерском городке и районном центре Верхнебуреинского района. Том самом, в котором происходят описываемые события. Рано утром стайка энергичных японских стариков и старух (последние — обязательно в розовых, цвета цветущей сакуры, кофточках) толпились у дверей местной администрации. Ждали главу района. И, как только он появился, бросились к нему с бумагами. Они искали японские кладбища на БАМе и смешно перечисляли станции: *Сорони, Аронка, Дуссе-Аринь.*

Солони, Алонка, Дуссе-Алинь.

Глава администрации прошел мимо, поникнув головой. Словесный каламбур случаен. Уж он-то хорошо знал, что случилось.

В 1975-м, когда стройка переживала свое очередное, последнее, возрождение, все эковские захоронения, как и остатки лагерей — бараки, вышки, промзоны, все было пущено под нож бульдозеров. Ударная комсомольская стройка не нуждалась в страшном прошлом.

Слышишь, время гудит: Бам!
И седая тайга покоряется нам...
Все-таки седая.

Снесли тачку, вмурованную в бетон, гранитный памятник главному маркшейдеру Квадратову, который Сталина Говердовская показывала Косте. Даже цифры на Восточном портале 1947–1953 гг. вырубил зубилами.

И эту картину Костя тоже видел собственными глазами.

Что поражало тогда? Ты заходил в барак и казалось, что эски только что, какой-то час назад, покинули его. И могут вот-вот вернуться.

А эзовские кладбища стали полянами, уже заплывшими мхом и заросшими кустарником, с вбитыми кольшками-затесями. На затесях полустертые цифры.

Вот и все, что осталось от первостроителей. Химическим карандашом писали номера умерших. Снега и дожди смывали эти цифры. Шестизначные.

...Эзовская ночь любви гуляет по перевалу.

Видны костры и слышны голоса.

И стонали, и хохотали, и повизгивали.

Простынями завешивались в бараках прямо на нарах, сооружая шалаши.

И белые ноги взлетали на плечи.

Мы даже видим сейчас наколку на теле одной фривольной зэчки. Чуть выше лобка татуировка: «Умру за секс!» Слово «секс» тогда, конечно, еще не употреблялось в обиходе.

Там другое, всем известное, слово.

Но разве оно сейчас нам нужно?!

Сталина почти не спала. Она приникла головой к груди Кости. И слушала, как он широко и свободно дышит во сне. «Хоть бы мальчишка родился...» — думает Сталина.

Вот откуда женщина знает, даже после первой ночи, что она беременна?

Костя сказал Сталине, что его пригласили служить в НКВД. А это значит, что теперь они будут вместе. Сталина ответила, приподнявшись на локте и глядя в карие глаза Кости:

— Не нужна тебе служба в НКВД. Скоро все изменится. Ты же хотел учиться?!

Костя с удивлением посмотрел на Сталину. А сама ты где служишь?

Но ответил по-другому, словами Френкеля:

— От такого предложения не отказываются! Служить в НКВД мне предложил товарищ Сталин. Он увидел меня в толпе на перроне. А выучиться я всегда успею. И все у нас будет хорошо.

Он обнял Сталину, жадно зарылся в гриву ее волос.

В коридорчике, за кухней, что-то брякнуло. Кто-то стучался в дом.

Раздался глуховатый голос:

— Сталина Георгиевна... Тут такое дело!

Сталина заметалась по комнате, быстро надевая гимнастерку, юбку и подпоясываясь ремнем с португеей. Ранний рассвет полз в комнату. Да еще и снежок, последний, наверное, на перевале, ночью сыпанул.

На улице стало совсем светло.

— Петрович! Ты, что ли? Чего в такую рань?! Штольня?!

Петрович, начальник Дуссе-Алиньской тоннельной охраны и сосед Говердовской, покашлялся.

Вместе с ним в комнату вошли два солдата-автоматчика. Красные погоны.

— Какая штольня, Сталина Георгиевна... Мы с тобой вчера тоннель запустили. Собирайся с вещами. Вы арестованы, гражданка Говердовская! За пособничество врагам народа!

Нафталий Френкель не мог не выполнить поручения Сталина.

Сталина, не застегнув воротничок гимнастерки, безвольно уронила руки. Костя подхватился с постели. Прыгал на одной ноге, стараясь попасть в брючину галифе. Кинулся за ремнем, на котором висел пистолет в кобуре.

Солдат повел автоматом в его сторону.

Петрович устало махнул рукой:

— Тебя велено не брать... Езжай на свой Ургал, потом в Свободный. Френкель тебя сам будет устраивать на работу.

Из-за ситцевой занавески выглянул японец Санька. Он прижимал руки к груди и усиленно кланялся. Как болванчик. Кланялся на прямых ногах и шипел: «О-с-с-с...»

Оказывается, он не уходил в барак, а ночевал здесь же, в коридорчике.

— Руки! — скомандовал самураю начальник охраны.

Санька послушно протянул вперед руки.

Щелкнули наручники.

Сталина рванулась к японцу, что-то хотела сказать, но солдат-конвоир остановил ее. Неловко получилось. Прихватил за бусы на шее. И бусы рассыпались по полу. Нитка, на которую они были нанизаны, порвалась.

Арестованных вывели на двор. Белый снег присыпал крыльцо, доски тротуара, цветочные клумбы, на которых вылезли первые зеленые побеги. Костя, уже одетый по форме, стоял бледный. Смотрел на Сталину.

Сталина сказала, обращаясь к нему:

— Вот видите, товарищ лейтенант...

Она бросилась к Косте на шею. Их растащили.

Крытая машина с рыжей будкой вместо кузова, контурами похожая на воронок, выползала из проулка. Двигатель работал на полуоборотах. Машина глухо урчала, как приготовившаяся к прыжку рысь.

— Не забывай меня!

Сталина шагнула к машине. Японец Санька, шедший за ней следом, некрасиво ослабилась и ловко метнулся в сторону. Из голенища валенка он выхватил широкий нож. Не самурайский меч, конечно. Самоделка из стальной рессоры. Ее долго и старательно оттачивали в мехмастерских. Что-то он крикнул на своем гортанном языке и вонзил нож в живот. Автоматчики не успели опомниться и остановить его.

Саньяма-сан вспорол себе живот, вертикально, и даже смог дернуть тесаком в сторону. Классическое хакайри. Кровь брызнула на снег. Саньяма упал на колени. Он все еще держался за рукоятку ножа. А потом головой повалился вперед.

Брезгливо, носком сапога, Петрович перевернул легкого, как перышко, японца. Выдернул из тела нож и оттер снегом. Деловито заметил:

— Вот так-то оно вернее будет.

На полу в комнате остались сорванные с шеи Сталины и рассыпанные бусы. Костя Ярков вошел в дом и собрал с половиц золотистые шарики. Потом он взял аккордеон и склонился головой над клавишами.

Сыграл начало мелодии. Известная всем песня «Журавли». Только слова у нее другие. «Журавлей» привезли фронтовики. Их тогда, после победы, много оказалось в лагерях. Подбитых журавлей. Не всех победителей встречали цветами на перронах. Некоторых встречали овчарки и конвой.

Появляется сводный хор эжков Дуссе-Алиньского тоннеля. Такова особенность классического хора. Он появляется только в случае невозвратности трагического момента.

Солисты сейчас одеты не в концертные синие костюмы, в каких выступали на празднике первого поезда, а в свои повседневные робы пепельного цвета. На ногах ботинки, склеенные из расслоенных автопокрышек.

Песню запевает седой эжк с особенным лицом, напоминающим лицо солиста в фильме Шукшина «Калина красная». Кто не помнит — это достаточно характерное лицо падшего ангела. Может быть, даже убийцы или садиста. Оно обезображено пороком и каким-то внутренним, раздирающим сущность человека, горем. Но ведь — тоже человек. И он поет.

ЖУРАВЛИ

песня

Сквозь вечерний туман мне под небом стемневшим
Слышен крик журавлей все ясней и ясней.
Сердце просится к ним, издалека летевшим,
Из далекой страны, из далеких степей.

Вот все ближе они и все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?

Я ту знаю страну, где луч света бессилён...
Там, где савана ждёт, холодея, земля.
По пустынным полям бродит ветер унылый —
То родимый мой край, то отчизна моя.

Холод, голод, тоска... Непогода и слякоть,
Вид усталых людей, вид усталой земли.
Как мне жаль мой народ, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли...

Костя не знает, что слова песни «Журавли» — слегка переделанные стихи Алексея Жемчужникова, написанные им в 1871 году.

Какая долгая и крепкая память у народа.

Жемчужников — тот самый, веселый и озорной, который придумал Козьму Пруткову.

БЕДНЫЙ ЙОРИК

Вторая серия

Весна 1956 года. Дуссе-Алиньский перевал

Охотничий путик Кости начинался со спуска в распадок.

Прежний лыжный след уже перемело, но Костя хорошо знал тропу. Здесь он, по старинке, ставил кулемки на соболя. Такие деревянные ловушки, придуманные еще его дедами-эвенками.

Стальной капкан и петлю из проволоки соболь чаще обходит стороной. Чует запах металла. А вот в деревянную ловушку, за привадой, обязательно сунется. Очень осторожный, но и крайне любопытный зверек.

Любую кулемку Костя настораживал за пятнадцать-двадцать минут. Да и делов-то! Между двух тяжелых плах-полубревен, установленных в хорошо срубленный паз, весишь в расцеп приманку-приваду. Обычно приготовленную с осени юколу. Сухую горбушу или кету. А можно и шкурку подстреленного рябчика. Но обязательно с пухом и перьями. Соболю лезет за добычей, наступает на порожек и задевает насторожку. Палочку такую. Больше наступать ему некуда.

Вилка для удержания давка и гнетка срабатывает. Давок-коромысло (тяжелое бревно сверху) прихлопывает зверька. Как будто он попадает в пасть другого, более крупного, зверя.

Верхнее бревно и привязанный к нему снизу, на брезентовой широкой ленте, гнеток достаточно тяжелы.

Правда, вот странность. Когда подходишь к кулемке и видишь издали поповшегося соболя, часто почему-то кажется, что соболь повесился на лесине. Хотя охотники считают, что такая добыча зверька наиболее гуманна.

За годы охоты в тайге наваждение не покидало Костю. Вот и сейчас, на второй ловушке, он заметил висевшего, словно удавившегося, соболя. Кулемка стояла на краю скалистого обрыва. Здесь речка подходила к скалистому берегу. На крышу загородки насыпало снегу не меньше полуметра. И поэтому ее сдвинуло на край осыпи.

Нужно было достать соболя. То есть спуститься вниз по обрыву. Что совсем нежелательно. Камни во время оттепели обледенели.

Можно еще подрубить нижнюю вилку кулемки. И тогда она завалится назад, прямо на тропу. Кучум два раза восторженно твякнул. Он тоже давно учуял пойманного зверька.

Костя оглянулся. Мутное марево уже накрывало тайгу.

Петли сегодня утром скрипели на дверях. Вот и соболь опять повесился.

Как бы не быть беде...

Затемнение.

Флэшбэк. Май 1946 года. Дуссе-Алиньский лагерный пункт

Сталину ввели в тесный, с одним окном, но зато с письменным столом орехового дерева, покрытым зеленым сукном, кабинет следователя.

Следователь — уже знакомый нам Летеха. Правда, на плечах его погоны старшего лейтенанта. Мы уже упоминали о получении очередного звания бодрячком Летехой.

Старлей. Хорошо служит Василий! И китель на нем — новый, с иголки. Английского сукна и какого-то неземного цвета. Цвета «солнечные оливки». Бывает такой — нет ли?! Воротничок у кителя еще не стоячий, а отложной, энкаведэвский, с кубарями в петлицах.

В марте 1946 года НКВД преобразовали в МВД. Тогда и форму энкаведам начали менять. Но до ургальской глухомани погоны и звездочки еще только доходили. Поэтому китель Василию Зина Семина пошила особенный.

С одной стороны, это уже форма МВД. С другой — не хочется расставаться со стилем НКВД. Ведь у энкаведов форма самая красивая в Красной армии! Летеха хотел в новом наряде покрасоваться перед Говердовской. Вот теперь и покрасуется. А энкаведэшную гимнастерку, фасонистую и неуставную, тоже пошитую Зиной, Василий припрятал в чемодан. До лучших времен. Пусть вохра и зэки шушукуются о неизбежных переменах. Он уверен, что все еще вернется. И васильковые фуражки, и ромбы в петлицах. И маузеры на бедре.

— Что ж вы такое славное имя опоганили, Сталина Георгиевна? — укоризненно начинает Летеха. Он хочет расслабить и утешить своей искренностью вызванную на первый допрос обвиняемую в сотрудничестве с японской разведкой Говердовскую. Вчера еще сослуживицу и зазнобу, по которой он тосковал, а вот теперь, поди ж ты, коварную гадину-шпионку, свернувшуюся клубочком на гранитной груди Дуссе-Алиньского тоннеля.

— Чем же я его опоганила?

— А то вы сами не знаете... Вас, Сталина Георгиевна, завербовал японский разведчик Саньяма-сан, он же — Санька, подсобный рабочий котлопункта. В действительности — майор Квантунской армии, самурай и резидент на стройке 500... Между прочим, специально внедренный!

— Это уже установлено следствием, — солидно добавляет Василий. Следствием — значит, им самим.

Когда только успел Летеха нарыть такие тревожные для Говердовской Сталины Георгиевны факты?!

— Никто меня не вербовал, товарищ старший лейтенант! Какая-то ошибка... Саньяма-сан топил в моем доме печку и помогал по хозяйству. Сами знаете, я целый день в тоннеле!

— Во-первых, я вам, гражданка Говердовская, не товарищ! Во-вторых, вы же знаете, что офицерам и служащим Бамлага запрещено использовать в личных целях труд военнопленных.

Сталина усмехается.

Эки и зчки работали на огородах, обшивали и обстирывали семьи офицеров, убирались в домах, кололи дрова и топили печки. У больших начальников были свои личные повара и парикмахеры. Мастера, отобранные из заключенных.

Летеха, которого нам следует уже называть Старлеем, продолжает дознание, порученное не кем-нибудь, а самим командиром Бамлага Френкелем! Тут нельзя ударить лицом в грязь. Тут надо применить все, накопленное и познанное за годы *псарни*.

Так называли почетную службу в рядах НКВД, а потом и эмвздовскую. Псарня она и после реформы осталась псарней.

— Гражданка Говердовская! Прошу четко отвечать на поставленные вопросы, а не рассказывать про то, как вы ударно трудились на стройке. Вы про свои достижения успели красочно доложить с трибуны! Цветочки на клумбах, покрашенные полы в бараках и фонтанчики на портале. Когда и при каких обстоятельствах вы вступили в половые отношения с японским самураем Саньямой?!

— Ни в какие отношения я с ним не вступала!

Летеха задумчиво барабанит пальцами по столу, смотрит в мутное окошко и кладет на край стола пистолет. Достал его из кобуры. Известный всем прием. Сейчас наступит момент истины. Кто кого? Или подозреваемая начнет давать нужные следователю показания, или...

Что — или?

Василий встает и закрывает дверь кабинета на щеколду. Возвращаясь, пинком вышибает табуретку из-под Сталины. Говердовская падает на спину. Руки у нее за спиной скованы наручниками. Летеха прыгает на арестованную. Рвет пуговички на вороте гимнастерки и с вожделием достает груди Сталины. Играет ими, пробует дотянуться губами.

А Сталина, странно, не сопротивляется.

— Может, и лейтенантику залетному не давала? А если я сейчас проверю?

Расстегивает галифе, пробует раздвинуть ноги Сталины. Сталина поддается. Кажется, даже начинает слегка постанывать. Тем самым усыпляет бдительность Василия-страдальца. Она давно видела, что нравится Летехе.

Сталина крупная и сильная молодая женщина. Она понимает, что кричать бесполезно. Никто не посмеет зайти в кабинет следователя во время допроса.

Она как бы затевает любовную игру.

А потом, изловчившись, коленом бьет Василия в пах. Со стоном отваливается Старлей. Или тут все-таки — еще Летеха? Старлей не позволил бы так провести себя.

Говердовская вскакивает на ноги.

— Расстегни наручники, говнюк! Связанную бабу взять не можешь. А еще туда же — в следдаки! «Расскажите, как вы были завербованы японской разведкой...»

Она передразнивает Летеху.

— Я тебе сейчас оформлю нападение на следователя во время допроса! — визжит Летеха. — Еще пятерик получишь!

— Ничего ты не оформишь, — спокойно говорит Говердовская, — потому что я всем расскажу, что ты не смог со мной, связанной, справиться. Мужик — через жопу вжик! Развязывай руки. Подпишу все твои фантазии. Кроме эротических. А изнасиловать и калечить себя не дам. Я беременная. Прошу занести в протокол допроса. Официально.

Василий наконец успокоился, ширинку застегнул.

В удивлении пучит черненькие глазенки-пуговки на Сталину:

— Откуда ты знаешь — беременная? Ветром, что ли, надуло?

— Не грусти, Васек! И не отчаивайся сильно. Не от японского самурая. От советского офицера-орденоносца Константина Яркова, вернувшегося с войны!

— Тю... Так ты же только вчера с ним снюхалась! Отправлю на освидетельствование!

— Отправляй не отправляй... Женщина сама знает, когда она залетела. И еще запомни, Вася! Это ты к шалашовкам из четвертого барака бегаешь. Как кобель к сучкам. А у нормальных людей и любовь бывает!

Говердовская насмешливо смотрит на своего неудачливого дыхателя.

Василий наконец расстегивает наручники на ее запястьях.

Сталина потирает кисти рук и застегивает воротник гимнастерки:

— Медицина тут ни при чем. Пиши: «Выполняя постановление товарища Берия об улучшении условий содержания заключенных в местах ИТЛ, следственная Говердовская переусердствовала и обнаружила ненужный либерализм...» По праву — не обнаружила, а проявила! «Оборудовала цветочные клумбы, разбила фонтаны, чем способствовала ослаблению порядка в исправительно-трудовом лагерном пункте и нарушению трудовой дисциплины. К дневной пайке добавляла кружку молока ударницам скального фронта. На территории лагерного пункта действовал женсовет, который решал общие вопросы содержания барачников. Игра в демократию привела к тому, что совет лагеря начал заменять инструкции и общие установки режима, разработанные Народным комиссариатом внутренних дел для ИТЛ». Записал?!

Василий не успевает строчить. А ведь он даже и не знал, как подобраться к щекотливому вопросу. Френкель особо настаивал на пункте: враждебное и пагубное попустительство врагам народа.

Вот это баба! Ах, как жалко, что не те она песенки пела!

Сталина как будто слышит мысли следователя:

— Френкель заказал? Небось не понравилась моя песня? Пиши. «Песню «Сиреневый туман» пели у костра тоннельщицы из второй фаланги. Кто конкретно — фамилии не запомнила. Запевала Анастасия Костикова, бригадир. Она погибла в штольне два месяца назад».

— А вот эти, конкретно, слова откуда в песне взялись?

Василий читает по подготовленной бумажке:

Остались позади все встречи, расставанья,
Остались позади тюремные года.
Все скрылось, как во сне, в сиреновом тумане,
Лишь светит, как маяк, полярная звезда.

Сталина пожимает плечами:

— Думаю, что сами зэчки досочинили.

На самом деле, мы хорошо помним, что песня пришла к Сталине Говердовской ниоткуда. Она пришла к ней из будущего. Песню вложил в ее уста, как писали в старинных романах, автор. Он тогда еще не знал, что «Сиреневый туман» сослужит недобрую службу в судьбе его главной героини.

Эх, эх! Знал бы, что называется, соломки подстелил.

И Сталина спела бы «Марш женских бригад» композитора Дунаевского.

На слова все того же Лебедева-Кумача.

Идем, идем, веселые подруги,
Страна, как мать, зовет и любит нас...
Везде нужны заботливые руки
И наш хозяйский, теплый женский взгляд.

И дальше там что-то еще, про единение мужчин и женщин...
Вспомнил!

Цвети страна, где женщина с мужчиной
В одних рядах, свободная, идет!

В признательные показания Сталины Георгиевны Говердовской остается дописать пункт о вербовке японской разведкой.

Сталина спрашивает:

— У тебя есть доказательства, что он резидент?

Летеха молчит. Потом нехотя показывает листочек отпечатанного документа.

На языке спецслужб документ называется ориентировкой. Читаем:

«Взаимодействие разведок Японии и Польши. 25 августа 1933 г. секретарю ЦК ВКГ(б) Лазарю Кагановичу зам. председателя ОГПУ Ягода и начальник Экономического управления ОГПУ Миронов писали, что... на территории Союза действует разветвленная шпионская сеть, созданная разведывательными органами Польши. Были установлены конспиративные явки польской разведки в Москве (квартира гр-на Клячко Льва Аркадьевича на Троицкой улице в д. № 1 дробь 4. кв. 2) и в Киеве (кв. гр-ки Арабок Марии Пахомовны — «Люси», ул. Короленко, д. № 71 на 1-ом этаже)».

Сталина поднимает голову от листка:

— Москва и Киев. При чем здесь польская разведка на Дальнем Востоке?!

На душе у Сталины тревожно: подбирается к ней Летеха, подбирается.

Василий снисходительно бросает:

— Читай дальше.

Сталина читает: *«В материалах отражается взаимодействие японской и польской разведок. Так, в связи с заданиями агента польской разведки (агентурное прозвище «Сова») о получении сведений по оборонным работам на границах, был завербован для шпионской работы по Дальнему Востоку инженер Рыбальченко, работавший участковым прорабом на строительстве по укреплению Маньчжуро-Китайской границы. При аресте участника к-р организации Улановского, непо-*

средственно вербовавшего Рыбальченко, на его квартире изъяты полученные от последнего для передачи полякам материалы с подробным описанием обороноспособности Дальнего Востока. В частности, было сказано, что по договоренности Польши и Румынии с Японией первый удар должен быть произведен на Д. Востоке.

17 мая 1934 г. зампред ОГПУ Ягода проинформировал Сталина, что японский посол в Москве Ота телеграфно известил японского посла в Синьцзяне о вылете из Москвы в Биробиджан корреспондента польской газеты «Наш Пшеглонд» (орган еврейской буржуазии сионистского направления) — Бернарда Зингера. В телеграмме Ота указал, что Зингер едет с целью ознакомления с Советским Дальним Востоком и в частности с Биробиджаном. После чего он планирует выехать с этой же целью в Маньчжоу-Го. В СССР Зингер приезжал в 1927, 1930 и 1933 гг.

19-го мая ОГПУ было дано телеграфное указание о тщательном наблюдении за Зингером, с целью выявления его связей и одновременно был поставлен вопрос о запрещении Зингеру в будущем въезда в СССР».

Сталина не может уловить. А при чем здесь она и Саньяма-сан?

Ну, ездил какой-то Зингер в Биробиджан... Даже если он и сионист-вербовщик. Когда это было?! В тридцать третьем году Сталина, еще пионеркой, собирала макулатуру. Хотя близость Биробиджана к новой дороге отрицать бессмысленно. Вот так они всегда и подбираются. Как кошка к мышке.

Говердовская отбрасывает листок:

— Сам подумай, Василий! Все происходит тринадцать лет назад!

Летеха протягивает Сталине второй листок:

«В марте 1945 года (а у нас на календаре — май), в Бухаресте, задержан и доставлен в Москву Ортвин-Ельяшевич Бронислав Святославович, 1897 г. рождения, из дворян, по национальности поляк, кадровый офицер польской армии. На следствии он показал, что... в 1939 г. Ортвин-Ельяшевич был отозван в распоряжение 2-го отдела польского генерального штаба и назначен начальником разведывательной школы в Варшаве по подготовке агентуры для заброски в Советский Союз. Срок обучения был рассчитан на 2 месяца по следующей программе: политическая и экономическая география СССР; история ВКП(б); устройство советского и партийного аппарата; экономическое положение СССР; структура и организация Красной Армии; общественные организации; быт в СССР; советская терминология; состояние охраны границы СССР; фотodelo; изготовление поддельных печатей; тайнопись и шифры. Кроме того, большое внимание уделялось вопросам физической подготовки, стрельбе из револьвера и метанию гранат. Основными преподавателями школы являлись Воронеж Николай, капитан артиллерии в отставке, и Перич Георгий Сергеевич, он же Муха Станислав, он же Околович Г.С., белоэмигрант. Один из руководящих участников НТСНП (Национально-трудового союза нового поколения). 2-ой отдел польского генштаба свою работу против Советского Союза координировал с японской разведкой через японского военного атташе в Варшаве полковника Узда».

Какой-то ком липкой паутины опутывает Говердовскую. Из него не выбраться. Полковник Узда, белоэмигрант Муха... Какое отношение они имеют к строительству Дуссе-Алиньского тоннеля и к начальнику лагпункта, старшему лейтенанту Говердовской?

Она что, стала объектом вербовки белоэмигранта Мухи? Как вообще за два месяца можно изучить фотodelo, тайнопись, изготовление поддельных печатей, ловко метать гранаты и стрелять из револьвера? Один быт СССР надо изучать полгода. И то времени не хватит. Все вранье и ложь!

Прием масштабных шпионских операций применительно к судьбам рядовых людей — чиновников, крестьян, учителей, агрономов, солдат и офицеров — сле-

дователи НКВД использовали в своей работе. Человек терялся от ужаса надвигающихся обвинений, от собственной, оказывается, значимости и подписывал любую, самую чудовищную, ложь.

Сталина понимает, что надо опередить замыслы Летехи:

— Все поняла. Диктую — записывай! «Японский офицер Саньяма-сан неоднократно пытался вовлечь гражданку Говердовскую в свою буддистскую веру. Саньяма — с японского, фиксация разума на одной мысли или предмете. Достигается с помощью концентрации, медитации и созерцания. Он неоднократно предлагал начальнику лагпункта гражданке Говердовской париться с ним в кедровой бочке и там предаваться медитации. Успеваешь? Все-таки ты какой-то нерасторопный, Вася! Не умеешь вовремя оценивать оперативную обстановку.

Летеха не улавливает, что Говердовская просто издевается над ним.

— Может, проще записать? Что вы там просто-напросто *отталкивались*? А то медитация какая-то... Никто же не поймет ничего!

В то время еще не было слова «трахаться». У эзков в ходу было словечко «от-талкиваться». Не только у эзков, но и у энкаведов — тоже.

Ну вот теперь, кажется, все. Самооговор готов.

Летеха одним глазом подглядывает в свою шпаргалочку-инструкцию, выданную ему более опытным борцом с врагами народа, начальником лагпункта. Все да не все!

— Гражданка Говердовская! Тут еще такой вопросик. Ваш отец, Георгий Казимирович Говердовский, был политическим ссыльным. По национальности он поляк. Какие у него сейчас отношения с бывшей Родиной и со Збигневом Кшестинским, работником Коминтерна?

Сталина усмехается.

Первый раз она подумала про отца: хорошо, что он вовремя умер.

— Гражданин следователь! Бывшей Родины не бывает. Збигнев Кшестинский был осужден и приговорен к расстрелу. Дальнейшую его судьбу знают только там...

Она показывает пальцем куда-то в пыльное окно. В окно видно, как по небу плывут рваные облака.

— А отец мой, Георгий Казимирович Говердовский, умер. В моем личном деле есть все документы, подтверждающие его смерть.

Летеха тарасит глазки. Нездорово получилось! Плохо его снабжали нужной информацией старшие товарищи. И сам он неважно подготовился к допросу. Да ведь и времени на подготовку дали всего сутки... Ну, ничего! Зайдем с другой стороны.

— А у вас, Сталина Георгиевна, сохранилась связь с Польшей? Вы очень точно заметили: бывшей Родины не бывает!

Сталина насмешливо смотрит на Летеху.

— Что, Василек, так и хочется впаять мне пятьдесят восьмую, пункт шесть, ПЖ — подозрение в шпионаже? И записать «польско-японская наймитка». Я тебе и так уже на добрый червонец наговорила. Нет у меня ни родственников, ни знакомых за границей. По национальности я белоруска. Что же касается встреч Збигнева и Георгия Казимировича, то хочу тебе вот что сказать. Мы же с тобой коммунисты?! И мы в бога не верим. Но если предположить, что он все-таки есть, то наверняка Кшестинский с Говердовским сейчас сидят на облачке, свесив ножки вниз, и беседуют. Встретились. Никак не могут наговориться! А вчера мой единственный знакомый иностранец, японский военнопленный Саньяма-сан, по кличке Санька, к ним третьим отправился.

Летеху проинформировали про страшное самоубийство Саньки. Кто же знал, что он прячет в валенке острую, как бритва, заточку? Сгустки почти черной крови остались на Дуссе-Алинском снегу. Маленький и шуплый, как пацан, был Саньяма-сан. А кровь из него, рассказывали очевидцы, хлестала фонтаном. Да к обеду все растаяло и утекло ручьем.

Василий сердится и вслед за подследственной вторично за допрос, переходит на «ты». Первый раз получилось эмоционально, а теперь уже доверительно. Летеха как бы признает, что поддался логике и показаниям подследственной.

— Ты здесь сильно-то не умничай! Записываю.

Сталина сочувствующе смотрит на Летеху. Старлея. Ну, никак не поворачивается язык называть его новым званием. Явно не дотягивает пока.

Не часто арестованному на предварительном следствии в кабинете удастся победить следователя. Навязать ему свое видение дела. Оба — и жертва, и гонитель — хорошо чувствуют такую победу. И это особенное чувство торжества правды.

Да в чем же здесь правда?! Наговорила на себя черт-те чего... Самооговор называется. Так делали политические ортодоксы-большевики из старой, ленинской, гвардии. Они понимали бессмысленность борьбы на следствии и хотели уйти на зону, в Соловецкие, Колымские, Бамлаговские лагеря, не покалеченными и не раздавленными морально и физически людьми. Готовыми к новым испытаниям.

А момент истины и торжества есть! Нужно сделать самое главное. Не подписать доноса на других людей. Не потащить за собой цепочку граждан, ни в чем не виновных. Родителей, родственников, детей, знакомых и друзей. Чтобы потом совесть не замучила. Не загрызло в долгие и холодные ночи отчаяние собственного предательства. Сталине удалось сделать почти невозможное.

Следователь всегда чувствует свое поражение.

— Вот еще что... Офицерик, баянист, с которым ты отплясывала... Константин Ярков. Что он тебе рассказывал про Прибалтику?! Общнулись ночью-то?

— Вася! Во-первых, он играл не на баяне, а на аккордеоне. Во-вторых, ты разве не заметил, что я так же общнулась с Френкелем и с товарищем Иосифом Виссарионовичем Сталиным? Не хочешь занести в протокол, о чем они меня спрашивали и что я им отвечала?

— Ты говори, да не заговаривайся!

Голос Летехи, как тогда, при первом нашем знакомстве с ним на морозе, дал петуха. Водилась за Василием такая юношеская оплошность.

— Хочешь, чтобы я дала показания: Константин Ярков прибыл на Дуссе-Алинь с секретным заданием, чтобы через меня, начальника лагпункта Западного портала Дуссе-Алинского тоннеля стройки номер 500, установить связь с бандитским подпольем прибалтийских лесных братьев и украинских бандеровцев? Не дождешься. Костю я тебе не отдам... А если будешь капризничать и настаивать, то я откажусь от всех других, ранее данных — явно не в свою пользу, показаний и скажу, что ты выбил из меня их силой. А тебе уже через часок отчитываться перед начальством за успешно проделанную работу. Или чуть раньше?

Летеха почти с восхищением смотрит на Сталину.

Не через часок — через два. Чертовка, а не баба! Главное, все статьи УК знает на зубок. Сама, наверное, не один раз выбивала признательные показания из своих зэчек... А титьки какие! И не дала! Сейчас бы ее на распалку, на муравейничек. Через пару часов ноги сама бы раздвинула.

Да ведь холодно еще. Снег лежит. И муравьи еще спят в своих муравьиных кучах.

Василий опять смотрит в ущербное окно. Какое-то оно низкое сегодня, небо. Серое и печальное. Вместо стекол на окне слюдяная пленка. Такие же окна и в бараках.

Низко, почти касаясь сопки, нескончаемо плывут рваные клочья облаков. Обычная здесь, ранней весной, погода. Начинает звучать музыка.

В золотых небесах за окошком моим
Облака пролетают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевельный куст!

Входит сержант-посыльный, протягивает следователю листок бумаги. На листке написано: «Звонил Френкель. Яркова не нагибай. Он ему зачем-то нужен. Но допрос, как свидетеля, проведи. Не уродуй. Постарайся получить признательные показания Яркова на Говердовскую. Они вместе, по сведению Изотова, слушали ночью Би-Би-Си из Лондона. Фроленков».

Фроленков — начальник лагпункта, майор. А Изотов Вадим — кум, капитанишка. Оперуполномоченный лагеря.

Вот и ладненько. Им виднее. Слушали Лондон, значит, и слушали.

У нас в стране демократия. Кто кого хочет, тот того и слушает.

Летеха картинно улыбается. Он тоже все давно понял.

Сталине сейчас кажется, что она победила его, старлея НКВД. Не МВД, а именно НКВД. Выполняющего личное поручение Сталина!

Сталинские соколы не только в небе летают. Они и в Бамлаге по болотам на брюхе ползают. И по скальным выемкам топают. По грудь в ледяной воде переходят таежные реки. И у одного костерка вместе с эками греются. Малиновый околыш, синяя фуражка... Соколы-сапсаны!

Говердовская думает, что обошла его на повороте. Себя оговорила так, как нужно следствию. А сообщников своих обезопасила. Все поумирили!

Это мы еще посмотрим!

Летеха, впрочем, как всегда, примеряет на себя функцию Всемогущего.

Он распоряжается мертвыми и живыми.

Помните, как Василий стоял на берегу горной речки, вскинув автомат, гладил овчарку по вздыбившейся шерсти на загривке, а у его ног молился, стоя на коленях, женский этап?! И одна за другой согбенные фигурки уходили под лед, в весеннюю проталину... Одна за другой.

Хорошо быть Богом!

Еще Говердовской кажется, что вчера ночью она получила свою бабью индугенцию. Забеременела. А то она не знает судьбу *мамок* на зоне. Через два года ребенка отберут и больше она его никогда не увидит. Если он еще родится, ребеночек.

Заметим, Сталина ведь не знает, что, к примеру, поэтесса Ольга Берггольц дважды попадала в тюрьму, на следствие, беременная. И дважды теряла своего ребенка. Его из нее *вытаптывали*. Как точно заметил уже в наше время писатель Даниил Гранин. А где гарантия, что из Говердовской не вытопчут Костиного ребенка? Да и есть ли он, ребенок?! Чуть какая-то.

Василий выравнивает стопкой исписанные листки.

Впрочем, ни Сталина Говердовская, ни сам Летеха страшного факта о безвинно загубленных детях поэтессы Берггольц знать еще не могут. Его приводит автор. Как в свое время он подсказал слова незнакомой песни Сталине и мелодию «Сиреневого тумана» — Косте. И как он отправил в сорок шестом году первый поезд к пробитому в скале тоннелю.

Сталина теперь не забудет этого прекрасного праздника! Там и акробаты прыгали, и Карабас-Барабас поигрывал плеткой. И Сталин помахивал ручкой. А как били чечетку вертухаи и строили пирамиды эки-физкультурники?! И хор мощно пел: «Кипучая, могучая! Никем непобедимая!»

— Расписывайся, Сталина Георгиевна! «С моих слов записано верно». Дата, подпись.

Сталина берет ручку, аккуратно макает в чернильницу. То ли перо засохло, то ли рука все-таки дрогнула. Перо, противно скрипнув, царапает бумагу. Летеха небрежно подсовывает чистый лист:

— А ты сначала попробуй здесь. Потренируйся.

Говердовская размашисто расписывается. Фамилия-то длинная. Потом подмахивает показания. Поднимает глаза и видит, что Василий аккуратно складывает в папку чистый лист бумаги с ее пробной подписью.

Глаза Сталины темнеют, наливаются густой синевой. Переиграл ее сталинский сапсан.

Ответим же наконец, кто он такой, сапсан?

Сапсан — это не только современный поезд. Сапсан — это тоже сокол. Только очень стремительный. Выделяется аспидно-серым оперением. Аспидно...

Так написано в советской энциклопедии.

А Летеха выделяется нежно-оливковым цветом своего кителя.

Он подмигивает Сталине. Ну что? Думала, что переиграла?

Приемчик с засохшим пером давно отработан Василием. Что там появится на чистом листочке «с моих слов записано верно» и с подлинной подписью — одному богу известно. А еще Нафталию Ароновичу Френкелю.

Он насмешливо говорит в спину уходящей из кабинета Говердовской:

— А ты боялась. Даже юбка не помялась!

Сталина поворачивается:

— Вася! Я тебе яйца случайно не повредила? В паху-то, наверное, болит?

И закрывает за собой дверь. В коридоре ее встречает охранник с автоматом.

Старлей в кабинете хватается широко открытым ртом воздух.

Как будто его ему не хватает.

Весна 1956 года. Перевал Дуссе-Алинь

Костя снял лыжи, сбросил телогрейку, оставшись в свитере и овчинном жилете-безрукавке. Рюкзак снова кинул за плечи. Таежная привычка не расставаться с поклажей. И взялся за работу.

Походные занятия успокаивали его, отвлекали от навязчивых воспоминаний. Колонны эзков в красных телогрейках остались на склоне сопки. А здесь, в распадке, еще не так гудел ветер. И снег не сек лицо. Буран шел где-то верхом, горным перевалом и по его отрогам.

Из рюкзака Костя достал ловкий топорик. На все случаи жизни. И дровишек наколоть, и обтесать лесину. Он вырубил две жерди. Одну обыкновенную, длинную, и вторую — рогатку. Костя решил не походить близко к ловушке, чтобы не завалиться вместе с ней на обледенелые скалы.

Длинной жердью покачал кулемку. Она не падала с кручи вниз, на камни, но поскрипывала. Теперь Костя действовал двумя жердями. Длинной он приподнял полубревно-давок, а рогаткой поддел застывшую тушку соболя. Довольный, сунул добычу в рюкзак. Можно было идти по путику дальше. Хорошее начало охотничьего дня обещало удачу.

Но Косте было жалко бросить поврежденную снасть. Если не достать ее с обрыва, ветер опрокинет кулемку и разобьет о камни. Костя осторожно, чтобы не свалиться вниз, подошел по краю кручи и рогатиной подпер второе бревно — давок ловушки. Рогатина встала удачно, между камней. Теперь она надежно поддерживала всю конструкцию. Он услышал, как насторожка щелкнула в пазах. Верхнее бревно-коромысло приняло исходное положение.

Кулемка была готова захлопнуть тяжелую пасть. Костя не придал этому значение. Оказалось — зря.

Когда он начал подрубать нижнее крепление ловушки, бревно противно закрипело и пошло юзом. Зэки на лесоповале про такую лесину говорят: *пошла ебом*.

Костя успел подумать: «Не зря скрипели дверные петли. Надо было все-таки смазать их солидолом!» Он резко выпрямился, хотел отскочить. Тут и оскользнулся. Пасть захлопнулась, прихватив полу меховой безрукавки.

Рогатина, которой Костя подпер ловушку снизу, нырнула между камней. Самолы рухнул с обрыва, увлекая за собой охотника.

По обледеневшим камням на склоне Костю протащило. Ударился плечом. В тайге и не такое случалось. Зато нет худа без добра. Он оказался почти на берегу ручья, впадающего в русло реки. Рюкзак за спиной. Костя заторопился и достал лоток.

Ручеек впадал слева от скального прижима.

То, что нужно старателю. И подход к ручью хороший. И наледь остается чуть выше. Наледь выглядела монолитом, светилась в глубине голубым цветом.

Костя решил попробовать.

Ему бы остановиться и подумать... Ведь кто-то уже подал ему знак.

Он рухнул на камни, сбитый кулемкой.

Присесть бы, развести костерок. Вскипятить чаю. Отдохнуть хоть с полчаса. Но охота пуще неволи.

Костя склонился над ручьем. Неожиданно рухнувший в воду кусок наледи сбил его с ног. А поток тут же бросил на острые камни впереди, у скального прижима. Костя успел развернуться ногами вперед. Он знал характер горных рек. Плыть по ним следует не головой вперед, а на спине — ногами навстречу камням и порогам. Он почувствовал резкую боль в голени правой ноги и закричал как раненый зверь. И почти потерял сознание. Из последних сил Костя зацепился руками за торчащий острый камень и подтянулся к берегу. Выполз на валуны и тут же сунул руку под мышку. Пистолет не выпал, плотно сидел в кармане-кобуре.

И только потом он потерял сознание.

Видения вернулись к Яркову.

Флэшбэк. Май 1946 года. Дуссе-Алиньский лагерный пункт

Все тот же кабинет в управлении тоннельного отряда. Только уже после обеда, ближе к вечеру. После допроса и признательных показаний Говердовской. Входит, уверенно и даже с некоторой наглостью, Костя Ярков.

На поясе у него пистолет в кобуре.

Летеха с интересом смотрит на него и делает замечание:

— Гражданин Ярков?! В кабинет следователя с оружием не ходят!

Костя без приглашения садится на единственную в комнате табуретку. Ту самую, с которой его любимая, Сталина Говердовская, несколько часов назад кубарем летела на пол.

Ярков перебрасывает ногу на ногу, достает из кармана портсигар и закуривает. На Косте отглаженная гимнастерка, сапоги сияют гляncем. Орден на груди. Василий неприязненно смотрит на него. Никто так не вел себя в его кабинете.

Все-таки какие-то они удивительно смелые, Сталина с Костей.

Говердовская и Ярков.

— Отчего же так сразу — гражданин? — иронично спрашивает Костя. — Повесточка имеется на руках или какой-нибудь ордерок? Заваливший. На арест или на задержание.

Он медленно достает из кобуры пистолет и кладет его на край стола:

— Насчет оружия. Именной. Парабеллум «Борхарт-Люгер». Скорострельность тридцать два выстрела в минуту. Коробчатый магазин емкостью восемь патронов, барабанный на тридцать два патрона... Вы какой предпочитаете, товарищ старший лейтенант?! Лично я с обоймой.

Василий берет пистолет, читает гравировку на серебристой пластинке: «За личное мужество лейтенанту Константину Яркому. Генерал Иван Врадий».

Летеха уважительно хмыкает. Был такой, полковник ГБ Врадий. В 1943 году утвержден приказом Сталина начальником отдела кадров Смерша. А теперь вот уже и генералом товарищ Врадий стал.

Василий смотрит на дату в уголке пластинки: апрель 1946 года.

Костя поясняет:

— Свеженький. Получил при увольнении в запас. Отметка на ношение оружия имеется. Будете смотреть?

Летеха кивает головой: «Буду!» Смотрит придирчиво, отдает военный билет и увольнительные документы Яркому.

Костя, опять иронично-вежливо, интересуется:

— Ну, так как насчет ордерочка, товарищ следователь? Я, кстати говоря, снайпер. С бедра, по-македонски, из этой *волыны* десятку из десяти выбиваю. А вам, товарищ старший лейтенант, что больше нравится — «Борхарт-Люгер», «Вальтер ППК»? Или браунинг образца 1930 года «Хай Повер»?

Летеха на выпады не отвечает. Он таких пистолетов и в глаза не видывал.

Это они там, смершевцы, друг перед другом трофейными пукалками хвастаются, а у вохряка что? Винтовка, автомат ППШ, родной и знакомый «тэтэшка». В лучшем случае маузер. Любимое оружие всех советских чекистов.

Он снисходительно, чтобы не потерять лица собственное выражение, дует в дуло парабеллума и кладет пистолет обратно на стол. Туда, откуда взял.

Василий, глядя на Яркова, думает: «С каким бы удовольствием я засадил бы тебе и твоей Сталине по пуле в лоб! Хай Повер и Борхарт-Люгер».

Ну, ничего... Сейчас попляшешь!

Он достает листок исписанной бумаги.

— Вы проходите свидетелем по делу обвиняемой в сотрудничестве с польской и японской разведками гражданкой Говердовской. Она дала признательные показания на вас. Не желаете ознакомиться?

Костя берет в руки листок бумаги и внимательно читает: «Ярков в интимной беседе со мной признался, что был завербован в Прибалтике националистическими Центрами освободительного движения (эстонские партии фашистского толка «Вапс» и «Кайцелит») и прибыл в район исправительно-трудовых лагерей стройки 500, чтобы установить связь с террористическим подпольем так называемых лесных братьев, ставящих перед собой задачу разоружения военизированной охраны и ареста лагерной администрации. Впоследствии Ярков должен будет организовать повстанческое движение на Дальнем Востоке...»

Ни один мускул не дрогнул на лице Яркова.

Он прерывается и тревожно спрашивает о себе в третьем лице:

— А как он организует повстанческое движение, если все повстанцы кто на зоне парится, а кто ишачит в тоннеле?

Летеха задумывается:

— Ну, то есть как-как?

Ярков подтверждает:

— Действительно — как?!

Василий спохватывается:

— А! В этом смысле... Он же сначала поднимет бунт в лагерях! А потом они уйдут в леса партизанить. Или он организует им побег?

Костя хохочет и отбрасывает листок в сторону:

— Мне кажется, что побег реалистичнее! Все-таки поднять восстание в Бамлаге трудно. Думаю, что практически невозможно... Я, товарищ старший лейтенант, таких признаний вам за час с десяток наклепаю. Да, признаться честно, не раз и клепаю.

Летеха губку прикусывает и достает другую папку, тоненькую пока. Дело №... Но мы-то с вами знаем, что папка скоро разбухнет и превратится в том шпионки Говердовской, проникшей в руководство социалистической стройки 500. А на самом деле, в женский лагерный пункт на западном портале Дуссе-Алиньского тоннеля. Василий достает последний лист дела. «С моих слов записано верно». Дата, подпись — Говердовская.

Он протягивает листок Яркову:

— Вот. Сличите две подписи. Одна под ее показаниями на вас, а другая — в основном деле. Сличите, сличите! Если вы такой стрелок македонский.

Летеха язвительно улыбается.

Костя рассматривает подписи. Потом берет в руки перьевую ручку следователя, торчащую из мраморной подставки. Внимательно рассматривает. Промокашкой тщательно чистит перо:

— Перышко-то заржавело, товарищ старший лейтенант! Небось, попросили Сталину Георгиевну разработать перышко... На отдельном листочке. И этот прием нам известен!

Костя макает ручку в чернильницу и размашисто расписывается. Протягивает листок Летехе:

— На, возьми, старлей! Вдруг пригодится?!

Да он просто издевается, лейтенантик!

Сам Френкель, видите ли, на работу его пригласил!

Летеха взрывается:

— Да ты почитай, как ее в бочке японец шкворил! Почитай, почитай!

Он сует листки Яркову.

«Достигается с помощью концентрации, медитации и созерцания...» Костя пробегает глазами. Так-так, концентрация, говоришь?! Дальше. «Он неоднократно предлагал начальнику лагпункта Говердовской париться с ним в кедровой бочке и там предаваться медитации».

Взгляд Яркова суровее, губы сжимаются в твердую складку.

Правильно учил Летеху кум Изотов. Мужик всегда клюет на бабью измену. Почему-то его сильно ранит перспектива носить рога. На водке, на деньгах и на бабах горят самые хитрые разведчики. Не чета тебе! Олень ты мой замшевый! Повыпендривайся малеха, снайперишко залетный.

Василий понимает, что после таких признаний Сталины Ярков подпишет ему любые показания на Говердовскую.

И как они партизанить собирались, и как Би-Би-Си слушали...

И как в бочке с японцем Санькой парились!

— Должен и здесь вас разочаровать, товарищ следователь. Говердовская досталась мне девицей... Можете сострять любые показания, но сам себя я обманывать не могу.

Летеха пучит глаза:

— Так она что, целка? Ты ее откупорил, что ли?!

— Была, товарищ старший лейтенант! А теперь уже не целка.

Костя понимает, что сейчас он не очень хорошо сказал о своей любимой. Но правила игры в кабинете у следователя требуют именно такого тона.

А Василий понимает другое: «Так вот почему она считает себя беременной... С первого раза залетают почти все».

— Хорошо, — говорит Летеха, — раз ты так откровенно со мной, то и я откровенно. Мне от тебя нужна всего лишь одна бумага. Что вы с ней и с японцем слушали радио из Лондона. Во время обыска мы нашли в каморке ламповый приемник. Могу тебе его показать. Хочешь?!

— Не надо. Ничего я не подпишу. Во-первых, мы ничего не слушали. Ночь коротка. У нас были с ней дела поинтереснее. Сам понимаешь. Во-вторых, я дал согласие товарищу Френкелю служить в войсках НКВД. Вряд ли после такой бумаги он возьмет меня к себе в помощники. Так я и останусь твоим и вашего кума стукачишкой. А ведь я офицер! И к тому же фронтовик.

— Ну, хорошо... — Летеха цепляется за последнюю возможность получить от Яркова хоть что-нибудь, — о чем-то вы ведь говорили целую ночь?! Неужели только отталкивались?!

— Да, говорили. О том, что даже на зоне можно оставаться офицером.

Костя сочувственно улыбается. Летеха вскакивает из-за стола:

— Вот Френкель и покажет тебе, как в лагере офицеры становятся... Становятся!

Он никак не может объяснить, кем становятся в лагерях советские офицеры.

Костя забирает свой парабеллум со стола и прячет его в кобуру.

Весна 1956 года. Перевал Дуссе-Алинь

Костя очнулся от того, что кто-то лизал его лицо влажным языком.

Кучум, верная лайка.

Он попытался шевельнуться. Тела не чувствовал. Левая рука висела как плеть. Наверное, вывихнул при ударе о камни. Пошевелил пальцами — отдалось в плече. Но острой боли не было. Значит, все-таки не сломал, а вывихнул. Дернулся назад все телом, насколько хватило сил. Что-то громко хрустнуло в ключице. И он опять потерял сознание. На этот раз всего на несколько секунд.

Левая рука болела, но могла действовать. Значит, вправил вывих. Он попытался обеими руками вытащить ногу, застрявшую между камней. Острая боль отдалась в позвоночнике. На этот раз дело было худо. Костя увидел свою правую ногу. Она была надломлена почти у самого колена. Как будто острая палка торчала в меховом сапоге.

Костя, сцепив зубы, стянул сапог и закатал ватную штанину. Открытый перелом голени. Точнее, большой берцовой кости. Из открытой раны торчали кусочки кости.

Сине-красная ссадина подползла к самому колену. Кровь уже не хлестала фонтаном, хотя снег вокруг и обледенелые камни были обрызганы красным. Ножом Костя отрезал от нательной рубахи большой кусок бязи и тщательно просушил рану. Надо бы залить йодом. Где-то лежал в кармашке рюкзака пузырек. Он повернулся на один бок, снимая лямку рюкзака, потом на второй. Нашел не только йод, но и целую упаковку широкого бинта. Бинт промок, конечно, но это не беда. Главное, что пузырек с йодом не разбился. Продезинфицировал рваную рану. Боли и жжения почти не почувствовал.

Прежде чем вправить торчащую кость, он отрезал две жердочки.

Нож не выпал из ножен, висел на поясе. А рогатина, которой он подпирал ловушку, и вторая, длинная, палка валялись неподалеку. С трудом, но дотянулся. Жерди отрезал одинакового размера, от ступни до самого колена. Нужна была веревка, чтобы правильно перебинтовать самодельную шину. Он отрезал тесьму от рукавиц. Охотники всегда носят рукавицы на тесьме, которую пропускают по

плечам, через спину и шею. Чтобы в спешке не потерять в глубоком снегу. Да хватило бы длины.

И только потом он начал вправлять голень.

Сознание терял несколько раз. Когда нога вроде бы выровнялась, он наложил на рану тряпку, отрезанную от рубахи, приладил жердочки и крепко, в натяг, перебинтовал бинтом. С трудом впихнул раненую ногу в сапог. Пришлось отрезать ватную штанину по самое колено. Иначе нога не влезала в торбаз.

Кусок от штанины, похожий на ватный рукав, он сунул в рюкзак. Пригодится.

Теперь сломанная нога обрела неподвижность.

Можно было пытаться ползти. Сначала по берегу. Потом по круче вверх, на край обрыва. Где остались лыжи, топор и винтовка-мелкашка.

Буря уже лепил мокрым снегом в лицо. И ветер не утихал.

Костю знобило. Мокрая одежда покрылась ледяной коркой.

Ползти было тяжело. Руки в рукавицах никак не хотели цепляться за обледеневшие камни. Пришлось рукавицы снять и сунуть за пазуху. Жизненное пространство Кости сузилось до осклизлых камней, разбитой кулемки и сфокусировалось на краю обрыва, который отчетливо, несмотря на густой снег, был виден на фоне елок.

Елки глухо шумели вершинами. Теперь ему могла пригодиться всякая мелочь, оказавшаяся под руками. Поэтому он подбирал и прятал кусок ватной штанины, обрывки портянок, остатки веревочной тесьмы. По ходу обрезал и сунул в рюкзак широкую брезентовую ленту, которая держала гнеток кулемки. Наконец дополз до края и перевалил тело на тропу.

Лыжи стояли там же, где он их оставил, прислонив к стволу елки. Нижние ветки дерева образовывали шатер, защищенный от ветра. Топором Костя подрубил ветки, расширяя место. Работал лежа, иногда садился. Попытка встать во весь рост закончилась неудачей. Он упал так неловко, что чуть не сбил шину с ноги.

Пришлось снова все перематывать.

Снег лепился хорошо. Ему надо было так соорудить шалаш, чтобы с одной стороны не задувал ветер, с другой можно было бы устроить надью — ночной костер из трех бревешек, которые тлеют и дают тепло до утра.

Костя знал, что ему придется ночевать в тайге.

Снег из-под елки он выгрёб. Да там и было совсем немного. Настелил лапника. Теперь предстояло развести костер.

Пока рубил и стелил лапник, связывал концы лыж сыромятным ремешком, лепил стенки снежной хижинки, не заметил, что пальцы окоченели. С большим трудом надрал бересты, шалашиком сложил еловые ветки.

Они вспыхнут от огня при любом ветре. А спичку зажечь не смог. Спичка вываливалась из пальцев. Одна, вторая, третья... Спички стоило поберечь.

Костя взял с собой в дорогу связку серных спичек, не больше двадцати. Он откинулся на спину и поглубже заполз в снежную берлогу. Здесь не дул ветер, и снег не сек лицо.

Навалилась усталость. Костя закрыл глаза. В сознании Кости прошлое и настоящее сейчас путаются. Надежда только на оператора, который чередованием кадров сможет передать состояние замерзающего в тайге человека.

Флэшбэк. Апрель 1947 года. Стройка 500

«Чалдон шапку не ломит!» — строго сказал Косте отец, Егор Ярков, когда узнал, что его сына, молодого лейтенанта-снайпера, вернувшегося из Прибалтики, сосватали в краснопогонные войска. Служил он в управлении Нижне-Амурского ИТЛ.

Если бы отец хоть на минутку представлял, чем занимается их Нижне-Амурский исправительно-трудовой лагерь! Он же — Нижамурлаг, Нижне-Амурлаг, Нижне-амурлаг, Нижнеамурский ИТЛ, Нижне-Амурский ИТЛ и Строительство, ИТЛ и Строительство Нижнеамурстроя. Вот сколько названий перебивало у огромного социалистического подразделения, где служил его сын, Константин Ярков.

Костя часто выезжал в командировки на строительство Дуссе-Алиньского тоннеля. Тогда, сразу после войны, знаменитую магистраль начали строить заново. Начальником тоннельного отряда снова стал Рацбаум, Максимилиан.

Костя находил с ним общий язык.

В сорок седьмом году, в конце апреля, Френкель срочно засобирался в отставку. И Бамлаг уже называлась по-другому — ГУЛЖДС. Главное управление лагерей железнодорожного строительства. С легкой руки эзков-острословов — ничего не боялись, черти! — аббревиатуру ГУЛЖДС расшифровывали: «Гуталинщик устроил лагерную жизнь, достойную собак!»

В лагерях Сталина звали гуталинщиком. Наверное, потому, что он был сыном сапожника.

А потом и третья будет реформация тоннеля, и четвертая...

Костя отца так и не послушался. Да и военный комиссар — еще герой с Гражданской, — когда Ярков вставал на учет в военкомате, даванул на честь фронтовика и долг молодого коммуниста.

Костя никогда потом не пожалел, что пошел служить в краснопогонное ведомство. Никогда... Ведь там, на Дуссе-Алине, он встретил свою любовь — Сталину Говердовскую. То ли полячку, то ли белоруску. С погонами старшего лейтенанта НКВД на плечах и с роскошной гривой пшеничных волос. На семьдесят третьем километре. Том самом, куда сегодня утром отправился Ярков. Да попал в беду. Он сейчас лежит в шалаше из еловых веток, облепленных снегом. Приятная истома охватила все его тело.

Костя Ярков замерзает.

И, конечно, воспоминания прошлой жизни пришли к нему. Сталина была старше Кости на три года. Он ее встретил и потерял. Не уберег. А мог бы? Сталину осудили за связь с иностранной разведкой... Клевета, конечно. Никакой шпионкой она не была.

Сталина родила в лагере ребенка, а потом, уже в пятьдесят третьем, освободилась. Тогда по амнистии выпускали не только блатных, но и всех мамок с детьми до десяти лет. Политических не освобождали. Только бандеровцев, уголовников, малолеток и мамок.

Сталина тут же вышла замуж за какого-то немца. Или еврея. Гражданского расконвоированного шкентеля. Звали его еще как-то интересно. Герхардом, кажется? Костя уже и не припомнит точно. Надо же — Герхард... В управлении Герхарда все окликали Герой.

Ковырял вечную мерзлоту в тоннеле. Крутился возле огуречных грядок. Тогда на склонах, вокруг тоннеля, уже начали разводить теплицы и огороды. Знакомые офицеры, кто видел Сталину в лагере на Акуре — там с сорок третьего года обустроили лагпункт для женщин с детьми, говорили Косте, что сын похож на него. Акур почти под Ванино, между Тумнином и Тулучами.

Туда Костю в командировки не посылали.

Косте становится тепло в снежном шалаше. И сломанная нога почти не ноет.

Ах! Какие картины проплывают сейчас перед ним! Весной он приносил ей охапки розово-фиолетового багульника. Три километра по таежной тропе в одну сторону, три в другую. Правый склон сопки был розовым от багульника. Кружилась голова...

Сталина любила его. И Костя тогда не смалодушничал. Не струсил. Никаких показаний на Сталину он не давал. Хотя сам Френкель просил Костю написать донос на любимую. Мол, без такого признания к ним на службу поступить не получится.

Сталина осталась в живых. Но Костю почему-то не простила.

Вышла замуж за другого. Надо же! Родила ему ребеночка. Мальчишку...

...Стоп, Костя! Останавливает он сам себя. Стоп. Все было не так!

Она родила его, Кости Яркова, сына. А уже потом вышла замуж. Донос ему, правда, подписывать не пришлось. Френкель просто спрятал в сейф листочек с Костиной росписью, который добыл на допросе Летеха. Сказал: «Ты понимаешь, что мы здесь можем написать любые твои показания... Но я не стану этого делать. Пусть пока полежит в сейфе. Отдам лично в руки, когда будешь уходить из органов».

В своих последних, полубредовых, воспоминаниях Косте хочется казаться лучше, чем он есть на самом деле. А настоящую правду он тоже знает и помнит. Она приходит к нему постепенно, правда. С той, зэковской, ночи любви. Правда состоит вот в чем. Невиновных сажали в лагерь. Там их пытали каторжным трудом.

Таким, как Костя, Френкель внушал, что так нужно стране и так нужно товарищу Сталину. Иначе страну не поднять. А где рубят лес, там и щепки летят...

Сам Френкель срочно уходил в отставку не по болезни. И не потому, что Бамлаг переименовали в ГУЛЖДС. Он боялся, что скоро начнутся новые чистки и его самого посадят.

Мысли путаются в голове ...

Какие букеты багульника он носил Сталине? У них же была всего одна ночь. Наговориться толком не успели. В ту ночь начальство двух лагпунктов выпустило зэков и зэчек на случку. Рвать друг друга на части. За то, что досрочно пробили дырку в каменной горе. Да не получилось у них издевательства над людьми и бесчинства. Вышел священник и крестом остановил толпу. Его потом подстрелили и отволокли в больничку.

Погоняло у священника было Апостол. Апостол встретил Костю (Костя институт уже бросил) на вокзале, в Комсомольске. И рассказал, как они сбежали из лагеря вместе с Мыколой-бандероцем.

Молодой, но ранний, офицер-вертухай, из ретивых, на лошади догнал их. И расстрелял почти в упор. Только сам Апостол и Мыкола ушли, успели прыгнуть на мотрису. Дрезина такая. А четверо остались лежать на рельсах. Покрытых инеем. Среди них была женщина. Ее звали Зина. Ее убили вместе с мужем, тоже зэком.

А еще с ними был студент из Хабаровска, по кличке Писатель, и Смотритель путей... Обходчик на железной дороге. Он-то и успел завести дрезину. Интересно — каких путей?

«А не ты ли их? А, чалдон?»

Он очнулся. Вдруг пришла ясность. Говорят, что она приходит к человеку перед смертью. И он сказал сам себе: «Да ведь ты-то их и убил, чалдон!» Но по-другому ведь было нельзя?

Кто ему ответит на вопрос: как можно было поступить по-другому?

Зато сам Костя теперь тоже стал Смотрителем. Только не путей, а тоннеля. Истопник — как-то совсем просто. Обыденно и приземленно. Истопник бани. Истопник барака. А Смотритель Дуссе-Алинского тоннеля... Звучит хорошо! Весомо звучит.

В ноябре 1950 года строительство тоннеля на время остановили, участок Дуки — Ургал тоже перестали отсыпать. Через два года стройка возобновилась.

Потом третья консервация. Думали, что ненадолго. Как раз гору тачек новеньких из Свободного завезли. Побросали где попало.

Через них потом стали тонкие лиственницы и осинки прорастать.

Оказалось, что бросили дорогу навсегда. В марте пятьдесят третьего умер Сталин. В апреле объявили амнистию и порталы тоннеля вновь заколотили щитами. Пачками ээки уходили из бараков, бросая тарелки, рваные бушлаты и тачки. Даже ложки бросали. А ведь когда-то не только баланду хлебали алюминиевыми ложками, но и скребли ими, как мыши, породу в горе.

Другого инструмента у них просто не было.

Вот почему Костя не захотел жить в бараке, когда вернулся топить тоннель. Звук ложек, скребущих скалу, выводил из себя. Словно работали не люди, а скреблись в горе зверьки. Омерзительней звук бывает только тогда, когда гвоздем скребут по стеклу. Или вот еще... скрипят несмазанные петли на дверях.

Ну да... Они же утром сегодня скрипели? Вновь лязгает запор на лагерных воротах. Опять туман в голове.

Опять Костя бредит и вспоминает во сне.

Откуда-то, из небытия, из густого занавеса снегопада, выплывает строгий кабинет, отделанный дубовыми панелями. Штабной вагон специального поезда. Кабинет начальника Бамлага генерал-лейтенанта Френкеля. Шкафы с книгами, стол зеленого сукна, напольные часы с тридцатиминутным интервалом в бое. У генерала Френкеля, экономиста и плановика, каждая минута на учете.

— Чем наградить тебя, Константин, за безупречную службу? — спрашивает Френкель Костю. Бумаги на отставку Нафталия Ароновича уже подписаны. Френкель в гражданском костюме хорошего кроя. В кабинете стоят коробки, пакуются книги, папки, чертежи и карты. Присутствует и Гвоздевский, Федя. Тот самый бывший кузнец, а сейчас генерал. На стыковке путей он с одного раза забил серебряный костыль. Именно ему передает дела Френкель.

Костя избегает смотреть в маленькие, но острые глазки Френкеля:

— Помните, год назад я подписал чистый листок бумаги? Вы его спрятали в сейф и обещали отдать, когда я закончу службу в НКВД.

— В отставку уйду я. А твоя служба не закончена!

Френкель вопросительно смотрит на старшего лейтенанта. Подтянут, побрит, свежий подворотничок на кителе. Сам щеголь, Нафталий Аронович любит офицеров, следящих за своим внешним видом.

Мало того, что Ярков был из грамотных штабистов, он еще и стрелял отменно. Усы Френкеля, щеточкой под носом, воинственно топорщатся. Он подходит к сейфу и достает листок с подписью Яркова. Не глядя на документ — там стоит уже какая-то печать, отдает. Костя молча читает... Как же так?! Кто успел *это* написать Костиным почерком?!

«Говердовская заявляла, что труд заключенных — подневольный, большинство осуждены несправедливо. И это она знает не со слов отбывающих наказание, а потому что сама изучала многие дела осужденных. Она также говорила, что рубить скалу женщинам — это преступление против человечности и демократии».

И что-то еще. Про японского военнопленного по кличке Санька.

Именно так Сталина и говорила! Но ничего подобного Костя не писал.

Только, бахвалясь, расписался тогда на чистом листочке бумаги. Вот как работают подручные Нафталия Ароновича!

Костя рвет донос на четыре части и бросает листочек в урну.

Урна уже до отказа набита бумагами, порванными на мелкие кусочки.

— Знаешь, для чего мне была нужна такая бумага?

Френкель меряет кабинет быстрыми шагами.

— Чтобы написать признание твоим почерком, мне не нужно заставлять тебя самого строчить донос. У меня на Тырме сидит такой умелец-художник, он пятихатку химическим карандашом рисует за ночь. Не отличишь!

Френкель достает из сейфа второй листок — с небрежной росписью Яркова, опробовавшего ручку в кабинете следователя.

На листке по-прежнему ничего нет, кроме росписи Яркова.

Вот это да! Высокий класс.

Костя в восторге.

— Говердовской и без твоих показаний хватило собственных признаний на десятку. Мне нужна была уверенность в тебе! В то, что ты искренне веришь в наше дело. И, конечно, страховка. Нам, чекистам, всегда нужна страховка!

Френкель и Гвоздевский значительно переглядываются.

Ярков понимает: Френкелю нужен был компромат, чтобы при случае всегда пустить его в дело. Нужно было держать Костю в узде. И оправдаться, если что-то пойдет не так. Вот и вся чекистская страховка. Сам Сталин велел Френкелю приглядеться к молодому фронтовику-офицеру и взять его на службу. Иосиф Виссарионович никогда не забывал о своих поручениях.

— О женщине не жалеи! — продолжает генерал, уже в отставке. — Да, красавица! Полячка... Но мы уже давно к ней начали приглядываться. Она по-своему понимала нашу политику на стройке. Развела там, понимаешь, гнилой либерализм! Цветочки на клумбах, женсовет. Да, мы отмечали ее лагпункт как лучший на магистрали. И работали они неплохо! Знаешь, почему?

Френкель лукаво шурится и подмигивает Гвоздевскому.

— Я им хорошую приваду кинул! Они хотели быстрее с мужиками встретиться. Ну, ты понимаешь...

Костя все понимает. Лес рубят — щепки летят. Да сколько того леса по стране повалено! И сколько костров сгорело из тех щепок?!

Разве кто-то посчитается с его личным, Кости Яркова, костерком?

— Такие, как Говердовская, нигде не пропадут. Сам такой!

Френкель улыбается.

И продолжает:

— Подженилась она на Акуре, устроилась в тепле. Сыночка родила. Не попала твоя Сталина. Захочешь — еще найдешь. Но я тебе не советую. Поляки, они все с гнильдой. А у тебя будущее! Хочешь порекомендую тебя в личную охрану к товарищу Сталину? Стреляешь ведь как бог!

Френкель победно, орлом, поглядывает на Гвоздевского.

Костя, насупив брови, думает. Разве бог стреляет? Он, скорее, мешает целиться. И толкает под руку. Но отказаться ведь опять нельзя?

Это как не выпить стакан водки за здоровье товарища Сталина.

Или не написать чистосердечного признания о женщине, с которой провел ночь. И полюбил ее.

Френкель правду говорит. Он сам *такой*.

Костя делает усилие над собой.

— Нафталий Аронович! Хочу попросить направление на учебу в институт. Помните, когда вы предложили мне службу в НКВД, я сначала отказался. Но потом вы сказали, что выполняете поручение товарища Сталина. Он заметил меня на митинге, в толпе.

— Так оно и было!

— Но сейчас же у вас нет предложения товарища Сталина насчет меня?!

Френкель остановился. Уже не бегаёт по кабинету.

В упор смотрит на Костю Яркова. Упрямый и умный... Френкелю нравятся такие. Да, никакого поручения насчет старшего лейтенанта он не имеет. Более того, на сердце Френкеля недавно поселилась тревога. Подбираются уже и к нему. Вот и захотелось перед сменщиком, Гвоздевским, подчеркнуть свою близость к вождю. Дескать, ничего страшного не происходит! Ну, отставка... Но мы еще повоюем. Ну, что ж, можно сказать, что поручение Сталина он выполнил. И Ярков оправдал доверие.

— Учиться хочешь?! Правильно. Нам нужны грамотные специалисты. Дорогу от Комсомольска до Советской Гавани мы все равно уложим в сроки. И недоделки исправим. То, что сейчас нас разгоняют, временные меры... Поверь мне, опытному путеармейцу! На кого хочешь учиться? На инженера?

Костя опустил глаза.

— Нет, товарищ генерал-лейтенант. Хочу на историка. Или на географа.

Напомним, что здесь почти полностью повторяется разговор Френкеля и Кости годовалой давности. Тогда, после праздника первого поезда, Нафталий Аронович пригласил Костю на банкет. И позвал его служить в управление. Прошел год, но Костя своей мечты не оставил.

Взгляд Френкеля скользит по корешкам книг, стоящих в шкафу, лежащих стопками на полу.

— Советским людям нужна правдивая история. Возьми вот эту книгу, в подарок. Она тебе пригодится. Двадцать четвертый экземпляр. Таких книг — всего сто. А самый первый экземпляр... Сам знаешь, у кого! У Иосифа Виссарионовича.

Тут Френкель кивает в сторону Гвоздевского, все это время не участвовавшего в разговоре командира и подчиненного.

— Между прочим, Федор Алексеевич руководил авторским коллективом инженеров и проектировщиков, создавших эту монографию...

Федор Алексеевич, можете подписать книгу старшему лейтенанту? Кстати говоря, рекомендую вам Яркова как достойного офицера! Хорошего штабиста и умелого оперативника.

Гвоздевский берет книгу и размашисто расписывается.

Костя читает: «Давайте поработаем вместе! Гвоздевский».

Во весь экран перелистывается следующая страница энциклопедической книги, уже знакомой нам по первой серии киноромана. После перечня начальников партий и экспедиций, ведущих изыскательские работы на магистралах, с чистого листа на нас смотрит с портрета Сталин. Мы видим, что клеен специально, ручным способом, после того, как книга была отпечатана в типографии. Может, забыли клеить и сразу получили по башке?!

Сталин смотрит немного вправо. Он в кителе, с погонами генералиссимуса. В правой руке Иосиф Виссарионович держит какие-то листочки, похоже чертежи. Нарисован Сталин на фоне карты страны. На груди его орденские планки и звезда Героя Советского Союза. Он смотрит как бы вдаль. С еле заметной улыбкой. Но в то же время гордо и прозорливо. Иосиф уверен в будущем страны.левой руки не видно. Костя знает, что левая рука у вождя с изъяном. Она усыхает. Поэтому ее не фотографируют и не рисуют.

Стоп-стоп... Подожди!

Костя вдруг понимает, что теперь он сам тоже будет с изъяном. Колченогим! Нога в меховом сапоге ноет все сильнее. Иосиф Виссарионович сухорукий. А Костя — хромой. Почему-то ему не нравится такая ущербная схожесть с вождем. Костя был верным сталинцем. Когда они явились к нему, мысли о том, что все как-то делается не так, не по правде?

Ебом все пошло, как говорят ээки про лесину, неправильно поваленную и придавившую человека. Именно так повалилась кулемка, прихватившая Костю на скальной круче.

Может, уже после смерти Сталина, в институте, его одолели сомнения? Однокурсники-сопляки, не нюхавшие пороха, спорили с ним до хрипоты. Или еще Сталина, когда они встретились весной сорок шестого, заронила в нем первые семена сомнения?

А что все не так? Что не по правде?

Жизнь продолжается. Женщины рожают детей, мужики строят дороги. Нужно ставить палатку, разводить костер. Это там, наверху среди правителей, идет кровавая борьба за власть. А в жизни обыкновенной нужно охотиться на соболя, сажать картошку и писать книги.

Перелистывается вторая, третья, четвертая страницы...

Главная особенность книги, написанной правильным русским языком, хотя и с обилием инженерно-технических терминов, в том, что ни о кострах, ни о тачках, ни о ээках, одетых в рванье и подпоясанных веревками, Костя не нашел ни строки. По существу, классическая монография с расчетами. Объявлена сметная стоимость строительства магистрали. Свыше десяти миллиардов советских рублей.

Про Сталину Говердовскую, которую когда-то звали красивым польским именем Силина, и про Костю Яркова, бывшего смершевца и энкаведа, а теперь истопника тоннеля, в книге тоже нет ни строки. И про отца Климента там не написано, и про бандеровца Мыколу. То есть в такой большой и толстой книге опять все приглажено? А почему они не написали про Костиного отца, чалдона, про ээковские кладбища, заросшие осинами, про доходяг, которые варят и жрут траву?

А! Вот тут в чем дело!

У них своя правда.

Ихняя правда в другом.

Она в вопросах следователя Летехи.

Он приходит и снова мучает Костю.

Костя в беспамятстве.

Голова просто раскальвается.

Какие задания вы получали от японской разведки?

А что Збигнев приказывал отцу Сталины?

Откуда Сталина Говердовская знает слова песни про тюремные года?

Зачем развели цветники на лагпункте?

Откуда у вас вышивка, которой вы укрываете аккордеон?

Сталина вам подарила?

Да не Сталина она вовсе, не Сталина! Она — Силина!

Костя кричит во весь голос.

А буран завывает.

И глухо ворчит Кучум, прижимаясь теплым боком к хозяину.

Костя, усилием воли, заставил себя очнуться.

Он понял, что замерзнет в одежде, покрытой ледяной коркой.

Руки сунул в ватные штаны, между ног. Наверное, так пальцы согреются. И он сможет удержать спичку, чтобы поджечь бересту. В раненой ноге болел не перелом, а ступня. Но ведь она-то осталась целой, повреждена только голень. Ступню дергало так, что отдавало в коленке. Молоточки стучали в висках, голова наливалась жаром.

Он подумал: «Наверное, простудился».

Костя попробовал стянуть с ноги торбаз. Меховой сапог не поддавался. Пришлось ножом подпороть голенище. Ступня опухла и покраснела. Он достал кусок обрезанной утром ватной штанины. Вот и пригодилась. Обмотал, с трудом втиснул ногу в шерстяной носок. Ступню опять сдавило, как обручем.

Мелкая дрожь пробегала по спине, тряслись руки.

Костя, конечно, знал рассказы таежников о том, как охотники гибли в тайге. Не от случайного выстрела карабина, не от напавшего дикого зверя и даже не от свалившегося на голову во время урагана кедра. С корнями вывороченного из земли.

Они просто замерзли на тропе, не в силах развести костра. На фронте и за годы работы в органах Косте пришлось побывать в разных передрыгах. В палатке пурговал без куска хлеба. Варил в походном котелке мышей-полевок. На переправе через Амгунь тонул, провалившись в майну. Лошадь била копытами по кромке, жалобно ржала и глядела на Костю огромными, влажными глазами. В глазах отражался недалекий пологий берег и сам он, в мокрой шинели. Костя держал коня за уздечку, в натяг... Пришлось уздечку обрезать. Лошадь ушла с головой под лед.

Всякое бывало.

Костя почему-то знал, что скоро он погибнет. Останется здесь, на краю каменной осыпи, навсегда.

Его замерзшее тело найдут через месяц, когда снег в тайге весь сойдет. Чалдон шапку не ломит. Даже перед смертью! На улице ведь нет сильного мороза. В буран приходит оттепель.

Значит, руки просто зазябли. Нужно вернуть пальцам кровообращение.

Костя принялся колотить руками себя по бедрам.

Собака проснулась и внимательно наблюдала за действиями хозяина.

Вот уже и закололо иголочками в подушечках пальцев.

Из брезентового кармана-кобуры, где висел парабеллум, он достал связку серных спичек, перетянутых резинкой. Приготовленный костерок из бересты, пучка сухой травы и зеленых еловых веточек не разворошило ветром и не замело снегом. Костер стоял шалашиком, готовый принять огонь. Краями ладоней Костя придерживал связку и зубами вытянул одну спичку. Попытался взять ее в пальцы.

Спичка упала на колени, потом скатилась в снег.

Костя отвалился на спину и закрыл глаза. Слезы покатались сами. Он понял, что развести костер ему не удастся. Еще несколько попыток, и он потеряет все спички. По времени уже должна была наступить ночь, но буран не стихал. И вокруг стояла белая мгла.

Бураны на зоне любили зэки. И три дня могло завывать, и неделю. До ветру ходили по веревке. Работы отменялись, и зэки валялись по нарам. Хоть и продувало бараки, и снегу наметало по коридорам, да и каждый лежачий день потом приходилось отрабатывать, а все равно вольница. Зэки ждали буранов как праздников. Как манну небесную. И была еще у них, у всех, одна тайная мысль. Во время буранов снег ложился мелко и плотно. Как строительный материал. Похожий на известь или на мел. Наметало по самые вышки. Не один раз уходили по такому снегу, поверх колючки, зэки в тайгу. Далеко ли?

«Теперь мне остается сделать одно важное дельце, — думал Костя, — мне нужно достать парабеллум и убить Кучума. Потом распороть ему живот, погрузить руки во внутренности и отогреть пальцы. Тогда я смогу разжечь костер». Кто-то

из таежников рассказывал ему о таком приеме. Согреть руки во внутренностях собаки. Вот и пригодился пистолет, который он, сам не зная зачем, брал с собой всякий раз. Когда шел топить тоннель.

Костя полез в карман под мышкой.

Кучум поднял уши и настороженно посмотрел на человека.

Он по-прежнему лежал рядом. «Сможешь убить собаку?» «Людей же убивал...

А тут собака!» Тут же поправил себя: убивал врагов.

Человек легко договаривается с собственной совестью.

И все же он медлил.

Лайка была ему другом.

С Кучумом он беседовал у костра. Или возле печурки, в избушке. Ему казалось, что Кучум все понимает. Собака досталась в наследство.

Она была памятью.

Когда отец умер, Кучум жил у дальнего родственника Ярковых, охотника, на Ургале. А потом Костя забрал лайку с собой. И часто брал в поездки по лагерям. Он видел, как Кучум, казалось ему — с брезгливостью, наблюдает за сторожевыми псами. Он не понимал, чем они здесь, за рядами колючей проволоки, занимаются. Овчарки, учуяв Кучума, заходились лаем.

Лайка же, в ответ, лишь посматривала на них. Только верхняя губа ее, подрагивая, чуть-чуть приподнималась над клыками.

Костя достаточно легко вынул парабеллум и передернул затвор.

Кучум пружинисто вскочил на лапах и зарычал. «Ах, ты гадина какая, — прошептал Костя, — он еще и рычит!» Руки дрожали. Костя опустил пистолет.

Не сможет он убить Кучума.

Здесь мы должны на некоторое время оставить в заснеженной хижине Костю Яркова. Замерзающего, но нашедшего в себе силы для того, чтобы не предстать перед нами окончательным подлецом. Вохряком без стыда и без памяти, родным братишкой Летехи и названным сыном Френкеля.

Редкое качество. У последней черты, перед бездной, остаться человеком. Какое-то перерождение в главном герое все-таки наметилось.

Людей убивал, а собаку не смог.

...Костя сунул пистолет в карман под мышкой. Парабеллум удобно лег. Как там и был. Вот так-то оно спокойнее. Подумал Костя.

Тут у него в голове опять что-то щелкнуло и поток сознания накрыл нашего героя с головой. И мы, чтобы точнее передать обрывистые мысли Кости Яркова, не станем здесь использовать кавычек. И так все будет ясно.

Ползти нельзя. Не дотяну. И потом, куда ползти? Назад в сопку? Надо ползти вниз, в распадок. Там останется в горушку совсем немного.

Можно заночевать в бараке. Или в домике станции. Там, кажется, даже печурка есть.

Печурка... Только как ее растопить? Пальцы совсем одеревенели.

О! Кучумка, собачка моя верная, вернулся, вернулся. Тяжело дышит... Куропатку гонял? Где ты нашел ее, в такой метели. Иди сюда, поближе, какой ты теплый. И как я додумался убить тебя. Какие они все-таки умные! Я спрятал пистолет, и он тут же вернулся. Прижимайся боком, теплее будет.

Нет, не спасись... К утру замерзну. Может, зря пистолет спрятал?! Пока еще ладонями схватить могу. А нажать курок — дело пустяковое. Сил хватит!

Ты смотри: только подумал, а он опять насторожился. Неужели они мысли читать умеют? Не тебя я хочу убить сейчас, товарищ старший лейтенант, не тебя... Нажму курок — и никаких воспоминаний! Никаких угрызений совести.

Сталинка прости. Да помнит ли она меня? А больше и прощать некому. Как говорил отец? Он говорил, что чалдон шапку не ломит... А чему учил Апостол? Не ты себе жизнь дал, не тебе и отнимать ее. Терпеть не ради себя, а ради других. Даже ради тех, кто доставляет тебе страдания.

Отче, если бы ты пронес сию чашу мимо меня... Да на все ведь Твоя воля! Значит, зэки терпели холод и голод, чтобы спасти Сталина?! Ибо я милости хочу, а не жертвы. Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или как вор, или злодей...

Боженку вспомнил! А кто ты есть на самом деле? Убийца и есть. И злодей. Помнишь, как он поднял ее на руки и пошел прямо на тебя, на твой выстрел. Придет расплата, придет...

А что же она не пришла к тем, кто пытал и мучил? Куда боженка смотрел?! В аду им теперь корежиться.

Кучумка прямо в лицо лезет. Словно сказать что-то хочет. Что?!

Надо связать лыжи как волокошу, Кучум потянет...

Чем связать?! В рюкзаке котелок, соболь замороженный, чуть подтаял уже, веревка, топорик. Вот оно!

Широкая брезентовая лента. Осталась от кулемки. Ее можно надеть на грудь собаки, как алык в упряжке, лечь на лыжи, Кучумка умный, попрут под горку... Подожди! Спички же — серные! Их можно потереть о брезент. Вспыхнет... Вспыхнет обязательно!

Господи! Прости, что сомневался в тебе на краю! И богохульство мое прости, и отступничество. Только помоги мне, Господи!

Да светится имя Твое, да придет царствие Твое.

(Окончание следует.)

